

СТАТЬИ

З. В. УДАЛЬЦОВА

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОВ В ВИЗАНТИИ VI в.

(преимущественно по данным законодательства Юстиниана)

Ключевым вопросом для решения проблемы о путях и формах разложения рабовладельческой формации и генезисе феодализма в ранней Византии является вопрос об эволюции рабовладения. Оживленные научные споры последних лет по этому вопросу¹, заставляют нас вновь вернуться к нему, сосредоточив внимание на изменении положения рабов в VI в.²

Основной материал о положении рабов в Византии VI в. сохранило законодательство Юстиниана, в сочетании, конечно, с данными нарративных источников, папирусов, надписей. Поэтому необходимо, не вдаваясь во всестороннюю характеристику права VI в.³, определить наше отноше-

¹ В советской историографии этот вопрос поднимался в связи с дискуссией по проблеме генезиса феодализма в Римской империи и Византии. См. А. П. Каждан. О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи. ВДИ, 1953, № 3; М. Я. Сюзюмов. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи. ВДИ, 1955, № 1; З. В. Удальцова, А. П. Каждан. О нерешенных проблемах социально-экономической истории Византии. «Вопросы истории», 1958, № 10; М. Я. Сюзюмов. О некоторых проблемах истории Византии. «Вопросы истории», 1959, № 3; Д. Ангелов. О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии. «Вопросы истории», 1960, № 2; Е. Э. Липшиц. Об основных спорных вопросах ранневизантийского феодализма. «Вопросы истории», 1961, № 6; М. Я. Сюзюмов. О правовом положении рабов в Византии. «Уч. зап. Свердл. гос. пед. ин-та», вып. 11, 1955, стр. 165—192; Е. М. Штатерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957. О положении рабов см. также А. Наджинicolaou-Magaва. Recherches sur la vie des esclaves dans le Monde Byzantin. Athènes, 1950 (рецензия М. Я. Сюзюмова на эту книгу — ВВ, V, 1952, стр. 280—284); P. Allard. Les esclaves chrétiens depuis les premiers temps de l'Eglise Paris, 1914, p. 70—184; W. W. Buckland. The Roman Law of Slavery. Cambridge, 1908; R. Taubenschlag. Das Sklavenrecht im Rechte der Papyri. «Zeitschrift der Savigny Stiftung für Rechtsgeschichte, Roman. Abt.», Bd. 50, 1930, S. 140—169; idem. The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the Papyri, 332 B. C. — 640 A. D. New York, 1944, p. 50—76; A. H. Jones. Slavery in the Ancient World. «The Economic History Review», II ser., vol. IX, № 2; 1956, p. 185—199; J. Lambert. Réflexions sur le christianisme et l'esclavage en droit romain. «Revue International des Droits de l'Antiquité», 2, 1949; W. L. Westermann. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955; p. 120—162. Литература вопроса — p. 163—173.

² См. З. В. Удальцова. Некоторые изменения в экономическом положении рабов в Византии VI в. (по данным законодательства Юстиниана). ЗРВИ, кн. VIII (1). Београд, 1963, стр. 281—290.

³ См. И. С. Перетерский. Дигесты Юстиниана. М., 1956. Там же см. литературу вопроса.

ние к законодательству Юстиниана как источнику по социально-экономической истории Византии того времени.

Corpus juris civilis, обширный свод гражданского права, нередко называемый «храмом правовой науки», создание которого приписывалось лишь воле «великого» законодателя Юстиниана, по сути дела был рожден самой жизнью. Коренные изменения социально-экономических и политических отношений в империи IV—VI вв. с неумолимой настойчивостью требовали перестройки старых правовых норм, мертвой глыбой лежавших на пути дальнейшего прогресса. Перестройка законодательства была произведена в сложной обстановке кризиса рабовладельческого строя и отразила в полной мере борьбу старого с новым, отживающих рабовладельческих отношений с рождающимися феодальными.

При сохранении в VI в. в Византии рабовладельческого строя и рабовладельческого государства фундаментом воздвигнутого при Юстиниане здания *Corpus juris civilis* не могло быть не что иное, как старое римское право. Отсюда консерватизм Юстинианова законодательства. Поскольку рабовладельческий строй не сдал своих позиций, многие институты римского права были еще живы и приемлемы для господствующего класса Византии, могли иметь практическое применение. Однако жизнь требовала внесения серьезных коррективов в нормы римского права. Рождавшиеся новые социальные отношения создавали новые правовые установления, возникавшие новые взаимоотношения классов, сословий требовали юридического оформления.

И действительно, созданный при Юстиниане Свод гражданского права фиксировал и законодательным путем закреплял те важнейшие изменения в социально-экономической жизни империи, которые произошли в IV—VI вв. Менялась экономическая основа общества, росли новые социально-экономические институты, и прежде всего колонат, рабство меняло свои формы, изменялись формы классовой борьбы, складывались новые отношения между людьми, возникали новые социальные категории и прослойки, фактически уже обладавшие своим особым юридическим статусом. Поэтому все нововведения в Своде гражданского права Юстиниана по сравнению с классическим и постклассическим правом не могут быть поняты и объяснены вне органической связи с реальными изменениями в социально-экономических и политических отношениях того времени. В отдельных частях Свода гражданского права влияние их чувствуется по-разному (менее всего — в Дигестах и Институциях, более всего в Новеллах), но именно в фиксации реальных общественных отношений, в отражении существовавшей действительности в юридических формулах — подлинное значение законодательства Юстиниана. Вместе с тем в этом и подлинные причины его создания⁴.

Несмотря на многие недостатки Юстиниановой кодификации (наличие противоречий, повторений, ошибок, неудачных сокращений), возникшие в результате компилирования римского права, *Corpus juris civilis* был не только ценным памятником римской юриспруденции, но и важнейшим источником, отразившим реальные общественные отношения и их эволюцию к VI в. Поэтому значение этого огромного корпуса юридических узаконений для исследователя состоит в том, что он, с одной стороны, может быть источником для изучения эволюции социально-экономиче-

⁴ Были, конечно, и чисто юридические причины кодификации права: потребность в пересмотре и систематизации всей правовой системы была связана с тем, что отдельные части древнего права устарели и необходимо было достигнуть «современности» и определенности действующего права. Этого требовали и практические потребности судопроизводства, крайне затрудненного из-за отсутствия точных и современных юридических норм. Но эти вопросы являются предметом специального изучения.

ского строя империи в IV—VI вв., с другой — дает ценный материал (особенно в Кодексе и Новеллах) для подведения итогов этой эволюции в VI в. и воссоздания исторической действительности именно времени кодификации.

Поскольку *Corpus juris civilis* стал единственным действующим правом в Византии середины VI в., он во многом может считаться основным юридическим источником для исследования и такого важного вопроса, как вопрос о статусе рабов в Византии того времени. Однако право далеко не полно и с большим опозданием отражало социально-экономические сдвиги в жизни общества; рудименты (иногда очень значительные) архаических отношений наполняют *Corpus juris civilis* (особенно Дигесты) и часто мешают уяснению истинного положения дел. Поэтому всегда надо обращаться за помощью и к другим источникам, позволяющим в какой-то мере установить адекватность юридических норм реальной действительности.

* * *

В VI в. в Византийской империи институт рабовладения сохранял свое значение как в социально-экономической жизни страны, так и в законодательстве, политике, быту. Рабство оставалось привычным жизненным явлением, глубоко укоренившимся в византийском обществе.

В законодательстве Юстиниана официально провозглашается разделение всех людей на свободных или рабов (*omnes homines aut liberi sunt, aut servi*)⁵. Признание исторической необходимости рабства при этом сочетается с теорией естественного равенства людей. По природе все люди рождаются равными, и это равенство поддерживается «естественным» правом. Однако исторически сложилось положение, когда у народов возник обычай сохранять жизнь военнопленным, но продавать их в рабство⁶. С тех пор по «праву народов» (*jus gentium*) один человек отдается под власть другого, вопреки природе и первоначальной свободе⁷.

При отсутствии статистических данных невозможно, конечно, определить количество рабов в Византии VI в. Однако известно, что завоевательные войны Юстиниана обеспечили постоянный и широкий приток рабов в империю.

Особенно много было захвачено их во время победоносной экспедиции Велизария в Северную Африку. По словам Прокопия, византийские солдаты в королевстве вандалов военнопленных мужчин чаще всего убивали, а женщин и детей обращали в рабство⁸. Много рабов приносили византийской знати и другие завоевательные походы Юстиниана — в Италию и Испанию⁹. Во время войны с Ираном византийские войска вторглись

⁵ *Corpus juris civilis*, t. I. *Digesta*. Ed. Th. Mommsen et P. Krueger. Berolini, 1954 (далее — *Dig.*), I, 5.3.

⁶ *Dig.*, I, 5.4.2: «*Servi ex eo appellati sunt, quod imperatores captivos vendere, ac per hoc servare nec occidere solent*». Таким образом, латинский термин «раб» (*servus*) происходит от глагола *servare* — сохранять, т. е. сохранять жизнь военнопленному, превращая его в раба.

⁷ *Dig.*, I, 5.4. 1: «*Servitus est constitutio juris gentium, qua quis domino alieno contra naturam subiicitur*».

⁸ *Prosopii Caesariensis Bellum Vandalicum*, rec. J. Hauriy. Lipsiae, 1905, II, 3.24 (далее — *Рросор.*, В. V.). См. З. В. Удальцова. Народные движения в Северной Африке при Юстиниане. ВВ, V, 1952, стр. 17 сл. Разбив в Северной Африке туземное племя лавафов, византийцы обратили в рабство всех женщин и детей этого племени (*Рросор.*, В. V., II, 21, 14).

⁹ З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в. М., 1959, стр. 459 сл.

в Персидскую Армению и обратили в рабство (*ἀνδραποδίσαντες*) большое число армян¹⁰.

Возможно, что в связи с завоевательными войнами Юстиниана в VI в. произошло даже усиление притока рабов по сравнению с предшествующим временем¹¹. Постоянные войны между соседними с Византией варварскими племенами и народами также доставляли значительное количество рабов, продаваемых варварами в империю.

Работорговля в Византии VI в. сохранялась в значительных масштабах. Ввоз в Византию основной массы рабов в это время происходил из областей, расположенных вокруг Черного моря, из стран Восточной Европы и Кавказа. Так, Прокопий рассказывает о том, что жители Лазики обменивали ввозимые византийскими купцами товары на рабов¹². В несколько меньших размерах Византия вела торговлю рабами с государствами Востока и Средиземноморья. Наиболее интенсивно работорговля велась в пограничных областях империи, куда правительство перенесло рынки рабов, опасаясь рабских восстаний в больших городах страны.

Размах работорговли вызвал ее строгую регламентацию. Законодательство Юстиниана ввело постоянные рыночные цены на рабов от 20 до 70 номисм, в зависимости от квалификации раба¹³. Прокопий рассказывает, что в Северной Африке одного военнопленного выкупили из рабства за 50 золотых номисм, что подтверждает реальность указанной продажной цены рабов¹⁴. Византийское правительство извлекало доходы от ввоза рабов в империю путем взимания торговых пошлин. В гаванях Абидоса и Гиерона устроены были специальные таможи, следившие за уплатой пошлин работорговцами. Через Гиерон ввозились рабы из стран Восточной Европы и Кавказа, через Абидос — из областей Средиземноморья. Пошлина за ввоз раба обычно составляла $\frac{1}{10}$ его стоимости и при средней продажной цене неквалифицированного раба в 20 номисм исчислялась в 2 номисмы. Работорговцы всячески уклонялись от уплаты пошлин; в пограничных областях империи, особенно на Кавказе и в Причерноморье, а также на островах Эгейского моря процветала контрабандная торговля рабами.

Тот, кто продавал раба, должен был указывать его этническую принадлежность. Если этническая принадлежность сообщалась неправильно, то сделка аннулировалась. Законодательство объясняло подобное требование тем, что многим происхождение раба внушает ужас, поскольку некоторые племена отличались особенной непокорностью и рабы этих нацио-

¹⁰ Procopii Caesariensis Bellum Persicum, ed. J. Haury, (далее — Procop., В. Р.), I, 12.20.

¹¹ Польский ученый Р. Таубеншлаг на основании подсчета количества упоминаемых рабов в папирусах пришел к любопытным выводам о возрастании числа рабов в VI в. Он приводит следующие данные: в I в. до н. э. рабы упоминаются 20 раз, в I в. н. э. — 26; во II в. н. э. — 98, в III в. — 35; в IV в. — 15; в V в. — 2; в VI в. — 30; в VII в. — 4. См. R. Taubenschlag. Das Sklavenrecht im Rechte der Papyri, S. 139 f. Cp. idem. The Law of Greco-Roman Egypt, p. 50 sq.

¹² Procop., В. Р., II, 28.28.

¹³ Corpus juris civilis, t. II. Codex Justinianus, ed. P. Krueger. Berolini, 1954 (далее — CJ), VI, 43.3.

¹⁴ Procop., В. Р., II, 22.13—16. Выкуп пленных обычно производился по цене более низкой, чем рыночная цена рабов. Весьма примечательно, что при продаже больше ценились недавно захваченные в плен рабы, так называемые неониты, чем лица, уже бывшие в рабстве, ибо неонитов было легче причудить к какому-либо выгодному для господина занятию или обучить ремеслу (Dig., XXI, 1.37). Работорговля по-прежнему велась через посредников-работорговцев (*magnones*), профессия которых считалась позорной, унижающей достоинство человека. О работорговле в раннее средневековье см. также Ch. Verlinden. L'esclavage dans l'Europe Médiévale, t. I. Brugge, 1955.

нальностей были опасны для их господ¹⁵. Таким образом, византийская знать опасалась покупать рабов из свободлюбивых и воинственных варварских племен. За сокрытие опасных для новых хозяев «пороков» раба продавец подвергался штрафу. Он обязан был сообщать о склонности его к бегству, о его попытках к самоубийству и т. п., о строптивости раба. Продавец должен был также осведомлять покупателя о душевных болезнях раба, о склонности его к воровству и т. п.¹⁶ Эти качества рабов снижали их цену. Закон запрещал продажу раба—уроженца империи в чужие страны¹⁷.

В VI в. наряду с торговлей рабами одним из источников рабовладения продолжала оставаться самопродажа бедняков¹⁸ и продажа ими своих детей в рабство. Так, в египетском папирусе VI в. рассказывается о бедной девушке, отданной ее братом кредитором, у которого она должна была отбывать «рабскую повинность» (*πάσαν δουλικήν χρεΐαν*) до уплаты долга¹⁹.

В другом папирусе рассказывается о том, что один бедняк был согласен, чтобы его жена оставалась в рабстве до уплаты долга богачу²⁰. Распространенным явлением оставалась отдача в залог до уплаты долга своих детей²¹.

В VI в. все еще сохранял силу закон, изданный в 329 г. императором Константином, признававший действительной продажу детей в рабство. Правда, при этом делались некоторые весьма важные ограничения. Отец мог продать в рабство своих новорожденных сына или дочь (*filium filiaque sanguinolentos*) только в случае крайней нужды. Если же судьи устанавливали, что дети проданы родителями в рабство без крайней необходимости, то виновные карались смертной казнью, как совершившие тяжкое преступление — продавшие свободного человека в рабство. Кроме того, родителям даровалось право выкупить своих детей из рабства в любое время²².

По данным папирусов, в Египте распространенным явлением была самопродажа в рабство за одежду и пропитание на определенный срок²³.

За особо тяжелые преступления иногда наказанием служило обращение в рабство (*servitus poenae*). Осужденным на смертную казнь, пред-

¹⁵ Dig., XXI, 1.31.21.

¹⁶ Dig., XXI, 1.23.3

¹⁷ Экспорт рожденных в доме господина рабов (*οἰκογενεῖς*), как и раньше, без специального разрешения властей был запрещен, за продажу этой категории рабов в чужие страны взимался особый налог (*ἀπαρχή*). См. А. Б. Р а н о в и ч. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. н. э. М.—Л., 1949, стр. 205.

¹⁸ Закон предусматривал случай, когда свободный человек (достигший 20-летнего возраста и отвечающий за свои поступки) мог позволить продать себя в рабство, надеясь потом доказать свое свободное происхождение и воспользоваться уплаченными за него деньгами (*pretii participandi causa*). Если мошенничество обнаруживалось, то свободный становился рабом покупателя [Dig., XL, 12.23; I, 5.5.1; IV, 4.9. 4; *Corpus juris civilis*, t. I. Institutiones. Berolini, 1954 (далее — Inst.), I, 3].

¹⁹ *Par. Jand.*, 62 (VI в.). См. А. П. К а ж д а н. О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи, стр. 87.

²⁰ A. Ch. J o h n s o n and L. C. W e s t. *Byzantine Egypt*. Princeton, 1949, p. 132—133. См. *Par. S. J.*, 824. Астерий, епископ Амасейский, обличает в своих проповедях жестоких ростовщиков, которые, сами купаясь в роскоши, без всякого милосердия обращали ограбленных ими же бедняков в рабство [A s t e r i i A m a s e a e E p i s c o p i H o m i l i a e. PG, t. 40, col. 210 sq. (III Homilia adversus avaritiam)].

²¹ J. M a s p e r o. *Papyrus grecs d' époque byzantine*. Le Caire, 1915, № 67023 (569 г.) (далее — P. Cairo Masp.).

²² CJ, IV, 43.2. Cp. CTh., V, 8.1; Dig., XLVIII, 15.1.

²³ F. P r e i s i g k e. *Griechische Papyrus der Kaiserlichen Universitäts und Landesbibliothek zu Straßburg*. Straßburg, 1912, № 40 (569 г.), № 4490 (VII в.). См. А. П. К а ж д а н. О некоторых спорных вопросах. . . , стр. 87.

назначенным для растерзания дикими зверями или для участия в гладиаторских боях (*ad bestias depugnandas, ad ludum gladiatorium*), а также приговоренным к пожизненной ссылке в рудники эти жестокие кары могли быть иногда заменены обращением в рабство²⁴.

Как и во времена Поздней Римской империи, в Византии VI в. важным источником рабства оставался естественный прирост числа рабов. Согласно законодательству Юстиниана, все дети рабыни, независимо от статуса их отца, рождались рабами и оставались во власти господина их матери²⁵. Само собою разумеется, что дети раба и рабыни всегда сохраняли рабский статус своих родителей²⁶. В случае если рабыня находилась в коллективной собственности нескольких господ, то рожденные ею дети распределялись между ее хозяевами²⁷. Только в том случае, когда матерью ребенка была свободная женщина, а отцом — раб, ребенок получал статус свободного человека.

В Византии VI в. рабский труд не потерял своего значения в производстве — как в сельском хозяйстве, так и в ремесле. В законодательстве Юстиниана проводится разграничение между сельскими рабами (*γεωργικὰ ἀδράποδα*), труд которых использовался при проведении различных сельскохозяйственных работ²⁸, и городскими рабами (*servi urbani*), работавшими в ремесленных эргастериях и торговых предприятиях различных городов империи.

Труд рабов применялся в хозяйстве почти всех категорий земельных собственников. Перечисляя имущество земельного собственника, Кодекс Юстиниана упоминает рабов, скот, плодовые деревья²⁹. Рабы трудились в императорских доменах, в имениях крупных светских и духовных землевладельцев³⁰, на землях долгосрочных арендаторов — эмпитевтов, которые при Юстиниане получили право отпускать рабов на свободу³¹. Рабы имелись во владениях мелких земельных собственников — крестьян. Так, в житиях Евфимия Великого (конец V в.) и Ипатия Руфьянского (середина V в.) рассказывается о крестьянах, владевших рабами³². В 34-й новелле Юстиниана говорится о земледельцах Фракии, имевших рабочий скот и собственных рабов (*mancipia*)³³.

О применении труда рабов в хозяйстве мелких земельных собственников сообщает и Кодекс Юстиниана. В одном из предписаний Кодекса говорится: «Если . . . лица, стоящие во главе канцелярий и подчиненные правителям провинций, злоупотребляя своим служебным положением, заставят какого-либо земледельца выполнять какие-либо повинности как своего раба или будут использовать в собственных интересах его раба или быка, то они наказываются конфискацией имущества и вечным изгнанием»³⁴.

Дигесты упоминают, кроме того, о рабах, принадлежавших колонам.

²⁴ Dig., XXVIII, 3.6.6; XXIX, 2.25.3; XLVIII, 19.1.8.1; 17; 36; Inst., I, 16. 3.

²⁵ Dig., XLI, 1.6; CJ, III, 32.7.

²⁶ CJ, XI, 68.4.

²⁷ CJ, III, 32.7. Об эволюции семейного положения рабов см. ниже.

²⁸ Corpus juris civilis, t. III. Novellae. Ed. Schoell et G. Kroll. Berolini, 1954 (далее — Nov. Just.), VII, praef., 3.

²⁹ CJ, X, 10.2.

³⁰ Nov. Just., VII. В Житии Ипатия Руфьянского рассказывается о том, что в пригородных имениях богачей применялся труд рабов (А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917, стр. 193).

³¹ CJ, XI, 62.12.

³² А. П. Рудаков. Указ. соч., стр. 183.

³³ Nov. Just., XXXIV, 1.

³⁴ CJ, XI, 55.2.

Если рабы колона сожгут виллу, то колон может отдать их потерпевшему в возмещение убытка³⁵. Если раб колона, печник, заснул у печи, а в это время начался пожар и вилла сгорела, то ответственность за небрежность в выборе своих слуг несет колон — хозяин раба³⁶.

Даже рабы, получившие от господина пекулий, могли владеть другими рабами, так называемыми викариями, которые находились у них в полном подчинении³⁷.

Ценность всякого земельного владения по-прежнему колебалась в зависимости от числа живших в поместье рабов. Поэтому при дарении поместья, при передаче земельных владений по завещанию или при сдаче их в аренду законодательство Юстиниана предписывает обязательно указывать число рабов, работающих на этих землях³⁸.

При составлении земельного кадастра владельцы имений по-прежнему были обязаны подавать фиску сведения о числе рабов, живших в их владениях, что учитывалось при налоговом обложении, увеличивая сумму налога, поскольку труд рабов приносил доход владельцу имения³⁹.

Папирусы Египта содержат ценные сведения об использовании труда рабов в VI в. в поместьях крупных землевладельцев этой провинции⁴⁰. В богатом поместье некой Феодоры, расположенном близ Гермополя, в начале VII в. труд рабов применялся еще в столь значительных размерах, что затраты на содержание рабов составляли сумму в несколько раз большую, чем на оплату труда свободных наемных работников⁴¹.

В Сирии и Ираке (по данным источников IV—V вв.) в поместьях знати работала масса рабов⁴². Труд рабов был столь необходим и мелким землевладельцам этих областей, что даже считалось возможным скорее обойтись без своего поля (и снимать его в аренду), нежели без рабов⁴³.

Современники рассказывают о применении рабского труда на мельницах; рабы упоминаются в качестве погонщиков мулов, пастухов. В поместьях жили также рабы-ремесленники, изготовлявшие для своих господ предметы роскоши — дорогие ткани, ювелирные изделия, а также предметы первой необходимости — одежду, обувь⁴⁴. Ремесленный труд в поместье играл все большую роль, в связи с чем увеличивались расходы господ на питание рабов и закупки продуктов, выдававшихся рабам-ремесленникам на прокорм⁴⁵. Агиографическая литература содержит ценные данные о рабах-ремесленниках, живших как в городах, так и сельских поместьях. В Житии Иоанна Милостивого (ум. в 619 г.) сооб-

³⁵ Dig., IX, 2.27.11.

³⁶ Dig., XI, 2.27.9: «Si fornacarius servus coloni ad fornacem obdormisset. . .».

³⁷ Dig., XV, 1.40.

³⁸ CJ, III, 38.11; VIII, 55.6; X, 10.2; XI, 63.2.

³⁹ CJ, XI, 48.3.

⁴⁰ The Oxyrhynchus Papyri. Leipzig, 1914 (далее Pap. Охут.), № 28.

⁴¹ Veröffentlichungen aus den badischen Papyrussammlungen. Heidelberg, 1923 (далее Pap. Baden.), № 95. См. М. В. Левченко. К истории аграрных отношений в Византии в V—VII вв. ПИДО, V, 1935, № 1—2, стр. 91.

⁴² Ю. А. Солодухо. Значение еврейских источников раннего средневековья для истории Ближнего Востока. «Советское востоковедение», т. II, 1941, стр. 40. В источниках IV—V вв. рассказывается о крупных латифундиях в Сирии и Ираке, где обширные земельные угодья обрабатывались рабами.

⁴³ Ю. А. Солодухо. Указ. соч., стр. 39—40. Молотьба на полях землевладельцев производилась рабами.

⁴⁴ Так, например, в Северной Африке землевладельцы держали в поместьях собственных рабов-ремесленников, которые изготовляли для них роскошные ткани и прекрасные ювелирные изделия (S. G s e l l. L' Esclavage rural dans l' Afrique romaine. «Mélanges G. Glotz». Paris, 1932, t. I, p. 404).

⁴⁵ Pap. Baden, 95, 62, 74, 108, 379, 468, 563; W. L. Westermann. The Slave Systems. . . , p. 144 f.

щается о рабе-ювелире ⁴⁶. В том же житии мы встречаем упоминание о рабе, который был нотарием при богатом африканском откупщике ⁴⁷.

Законодательство Юстиниана особо выделяло городских рабов (*servi urbani*) ⁴⁸. Так, например, мукомолы-манципы широко применяли рабский труд в пекарнях для вращения жерновов, размалывавших зерно. Византийский церковный историк V в. Сократ рассказывает, что мукомолы в городах заманивали обманом иностранцев в пекарни, бросали их тайно в подвалы, где заставляли, как рабов, всю жизнь вертеть жернова ⁴⁹.

Рабы, жившие в городе, подразделялись на различные категории. Среди них можно выделить рабов, работавших в ремесленных эргастериях и называвшихся рабами-технитами, и рабов, занимавшихся по приказу господина торговлей. Эти рабы, используемые в ремесле и торговле, резко отделялись от домашних рабов, исполнявших обязанности прислуги ⁵⁰.

В больших городах империи имелись ремесленные мастерские эргастерии (*taberna*), в которых зачастую работало несколько сотен рабов. Раб считался инвентарем ремесленной мастерской ⁵¹. В мастерских работали как господские, так и наемные рабы. Господа часто извлекали доход от сдачи в наем по праву *locatio—conductio* своих рабов для работы в ремесленных мастерских ⁵². Согласно постановлению Дигест, похитивший нанятого за плату раба наказывался как вор ⁵³.

Во главе мастерской иногда стоял раб, в обязанности которого входило наблюдение за ремесленным производством, закупка сырья и товаров, внесение так называемого *энойкиона* — платы за помещение хозяину дома, где была расположена мастерская. Он выполнял и другие важные функции по руководству ремесленным производством ⁵⁴.

В домах знатных вельмож Константинополя и других городов империи обычно имелись мастерские по производству ценных предметов роскоши; особенно славились женские мастерские — *гинекеи*, где искусные рабыни-золотошвей изготовляли одежду для своих господ ⁵⁵.

⁴⁶ А. П. Рудаков. Указ. соч., стр. 151. В Житии Парфения Лампсакского, правда, относящегося к более раннему времени (IV в.), есть рассказ о рабах-красильщиках, работавших в государственных мастерских по окраске тканей пурпуром. (А. П. Рудаков. Указ. соч., стр. 147).

⁴⁷ Там же, стр. 214. Имеются документы, несколько более ранние, об обучении рабов ремеслу, в том числе даже скорописи (А. Б. Ранович. Восточные провинции Римской империи в I—III вв., стр. 205).

⁴⁸ Согласно Кодексу Юстиниана, правительство могло даровать вельможам, несущим государственную службу при императорском дворе, освобождение от всяких «низких повинностей» (*munera sordida*). При этом от несения этих повинностей освобождалась и городские рабы этих вельмож. Привилегия эта сохранялась и тогда, когда вельможа покидал столицу и уезжал в провинцию в качестве ее правителя (CJ, XII, 29.1).

⁴⁹ Сократ Схоластик. Церковная история. Саратов, 1911, V, 18.

⁵⁰ О применении рабского труда в ремесле в Египте преимущественно по данным папирусов см. И. Р. Фихман. К проблеме социального состава ремесленников в Египте IV—середины VII в. н. э. Сб. «Проблемы социально-экономической истории древнего мира». М.—Л., 1963, стр. 355—366. О рабском труде в Антиохии см. Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). Л., 1962, особенно гл. 2.

⁵¹ Dig., XXXIII, 3.1; XXXIII, 7.13.18.

⁵² Dig., XIX, 2.45. См. ниже, стр. 11.

⁵³ Dig., XIX, 2.42.

⁵⁴ Dig., VII, 8.20; XIV, 3.1; 3.5.9.

⁵⁵ Иоанн Златоуст (Vв.) рассказывает, что знатные дамы заставляли без всякой жалости работать своих рабов в мастерских и днем и ночью (*Joannis Chrysostomi Opera*. PG, t. 56, col. 538. О производстве драгоценных тканей в домах византийской знати см. PG, t. 47, col. 327, 415, 492).

Свидетельством важности применения рабского труда в ремесле является тот факт, что раб—искусный ремесленник всегда ценился дороже, чем раб, не обученный никакому ремеслу. Законодательство Юстиниана уделяет особое внимание определению критерия ценности раба. Таким основным критерием выдвигается прежде всего доходность производительной деятельности раба. В случае разбора в суде каких-либо исков имущественного характера, где требовалось установить стоимость раба, необходимо было в первую очередь определить, какой доход может быть получен господином от ремесленной или иной полезной деятельности раба. Всякие субъективные критерии оценки раба при этом отвергались. Закон ценил не красоту раба, не те или иные его личные качества, за которые раб люб своему господину, а его ремесленную выучку, полезную новому господину⁵⁶.

Насколько изменялась стоимость раба в зависимости от его профессии, мы можем судить по упомянутой выше таксе рыночных цен на рабов. В 531 г. особым законом Юстиниан установил, что взрослые рабы обоего пола, не обученные какому-либо ремеслу, ценились в 20 номисм (дети в 10 номисм). Рабы, знавшие ремесло, продавались уже за 30 номисм. Цена раба значительно возрастала в том случае, когда раб владел редкой профессией, требующей специальных знаний. Рабы-нотарии, обученные римскому праву, ценились в 56 номисм, врачи и акушерки — в 60 номисм. Самая высокая цена в 70 номисм платилась за рабов-евнухов, владевших каким-либо ремеслом⁵⁷. Такса на продажу раба, установленная при Юстиниане, сохраняла свое значение и в реальной жизни. Так, по данным Жития Иоанна Милостивого, молодой раб, обученный ювелирному делу, стоил 30 номисм⁵⁸.

Закон запрещал использовать рабов, получивших высшее образование, на «низких» работах, не требующих знаний образованного человека, и принуждать их к «позорным» занятиям⁵⁹.

Практиковалась сдача в наем рабов-ремесленников. Дигесты упоминают о сдаче в наем рабов—штукатуров и каменщиков. При этом устанавливалось, что в случае гибели или увечья такого раба, происшедших по вине нанимателя, последний должен вернуть хозяину другого раба той же стоимости⁶⁰.

Помимо рабов-ремесленников, работавших в эргастериях частных лиц, в VI в. существовала еще довольно многочисленная категория государственных рабов и рабов, находившихся в распоряжении муниципальных властей. Рабы, принадлежавшие городской курии, как правило, выполняли все работы, связанные с поддержанием чистоты и благоустройством города. Среди них источники упоминают, например, рабов-гидрофилаков, занимавшихся ремонтом городского водопровода⁶¹.

В положении государственных рабов в Византии уже с V в. происходят серьезные изменения. Если рабы в последние века существования

⁵⁶ Dig., XVIII, 1.43. При разборе в суде различных тяжб принималось, между прочим, во внимание не только знание рабом-технитом того или иного ремесла, но и то, кем раб был обучен этому делу и кто понес известные затраты на его обучение (Dig., VI, 1.29; ср. Dig., XXI, 1.65). Особенно ценилась грамотность раба и знание им ремесла (Dig., XVIII, 1.43).

⁵⁷ CJ, VI, 43.3.

⁵⁸ А. П. Рудаков. Указ. соч., стр. 151.

⁵⁹ CJ, IV, 56.1.2.

⁶⁰ Dig., XIII, 6.5.

⁶¹ CJ, XI, 43 (42).10.1: «Universos autem aquarios vel aquarum custodes, quos hydrophylacas nominant. . .». Закон запрещал переводить рабов-гидрофилаков на какие-либо другие работы.

Римской империи могли выполнять (и действительно иногда выполняли) функции государственных чиновников и даже занимали в отдельных случаях довольно высокие посты, то с V в. они полностью отстранялись от государственной службы. Даже мелкие служащие, писцы-табулярии, имевшие дело с оформлением документов, теперь должны были назначаться исключительно из числа свободных. Этот закон сохранял силу и в VI в. и был внесен в Кодекс Юстиниана ⁶². В VI в. государственные рабы были преимущественно ремесленниками различных профессий. Большинство государственных рабов в VI в. работало в мастерских по изготовлению оружия, одежды для двора и армии, предметов роскоши ⁶³. В эти мастерские в первую очередь попадали военнопленные, владевшие ремесленной специальностью.

Византийское правительство дорожило государственными рабами из ремесленных мастерских и принимало ряд мер против их бегства. Так, в Кодекс Юстиниана были включены постановления, карающие высоким штрафом тех, кто давал убежище беглым рабам из императорских гинеев (*ex familiis gynaecii*) и ткацких мастерских (*texttrini nostri mansipria*) ⁶⁴. В первом случае уплачивался штраф в пять, а во втором — в три либры золотом.

Труд государственных рабов в начале VI в. широко применялся при строительстве общественных зданий, о чем говорит Захария Митиленский ⁶⁵.

В государственных мастерских и на различных общественных работах трудились и лица, осужденные за различные, главным образом политические, преступления. Кодекс Юстиниана и законы химваритов, составленные византийскими юристами VI в. ⁶⁶, предусматривали в качестве наказания за многие преступления ссылку на каторжные работы. Однако при этом законодательство вводило некоторые ограничения. Свободный человек, осужденный за преступление и временно превращенный в государственного раба, по отбытии срока наказания вновь получал свободу. Дети свободной женщины, временно сосланной на общественные работы, сохраняли свободу ⁶⁷. В том же случае, если свободная женщина за тяжелое преступление приговаривалась судом к пожизненному отбыванию наказания в государственных мастерских, дети, рожденные ею после вынесения приговора, становились рабами фиска. Рабы, сосланные за особо опасные преступления на работы в государственные рудники, обычно по окончании срока ссылки не возвращались к прежним господам, а передавались фиску. Особенно невыносимой была участь рабов-моряков, работавших на гребных судах — катаргах. Недаром их подневольный труд породил в дальнейшем термин «каторга».

Законодательство Юстиниана, подтвердив полное отстранение рабов от государственной службы, столь же категорически запрещало рабам под угрозой смертной казни служить в византийской армии ⁶⁸. Раб мог вступить в армию только при условии освобождения ⁶⁹. Предписания

⁶² Codex Theodosianus, ed. Th. Mommsen et E. Meyer. Berlin, 1905 (далее — СTh.), VIII, 2.5; CJ, X, 69.3 (401 г.).

⁶³ CJ, VI, 1.8.

⁶⁴ CJ, XI, 8.5.6.

⁶⁵ Н. В. Пигулевская. К истории социальных и экономических отношений в Месопотамии. ВДИ, 1938, № 3, стр. 151.

⁶⁶ Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951, стр. 242 сл. См. *Nomeritarum leges*. PG, t. 86, col. 567—620.

⁶⁷ CJ, IX, 47.4.

⁶⁸ Dig., XLIX, 16.11: «Ab omni militia servi prohibentur, alioquin capite puniuntur».

⁶⁹ CJ, XII, 34.6.

Юстиниана от 529 и 531 гг. устанавливали, что раб мог быть принят на военную службу лишь с согласия его господина. Если господин добровольно отдавал своего раба в рекруты, он обязан был отпустить раба на свободу до его вступления в армию. При этом господин лишался всех своих прав на этого раба, в том числе и прав патрона по отношению к вольноотпущеннику ⁷⁰. В случае, если раб без ведома своего господина самовольно вступал в армию и если господин доказал на суде, что он ничего не знал об этом злонамеренном деянии раба, раб немедленно возвращался прежнему хозяину ⁷¹. В отдельных случаях, правда, закон можно было обойти. Прокопий в «Тайной истории» рассказывает, как корыстолюбие Юстиниана привело к тому, что при нем даже рабы, если они были в состоянии уплатить большую сумму денег, могли приобрести себе воинское звание схолярия, впрочем, к тому времени уже не связанное с реальной военной службой ⁷². Но, конечно, подобные случаи были редчайшим исключением. Обычно же рабы использовались лишь как слуги военачальников и солдат византийской армии и выполняли в армии самые трудные и «низкие» работы ⁷³. Иногда, при нападении врагов на города империи, рабы привлекались для охраны города, но всегда под присмотром свободных граждан ⁷⁴. Рабовладельцы зачастую создавали из своих рабов вооруженные отряды, охранявшие их поместья и дома и служившие защитой хозяину во время его путешествий, а иногда использовавшиеся для нападения на соседей господина. Законодательство Юстиниана запрещало господам использовать рабов для совершения различных актов насилия и строго карало за подобные преступления ⁷⁵.

Многочисленной категорией рабов в Византии VI в. оставались рабы-домашние слуги: повара, столтники, спальники, поставщики рыбы и других продуктов и т. п. Особенно высоко ценились в качестве домашних слуг рабы-евнухи. Закон запрещал оскотлять рабов-уроженцев Византии, и поэтому рабы-евнухи обычно были иноземного происхождения. Оскопленный в Византии раб получал по закону свободу. Многочисленная челядь из рабов наполняла императорский дворец и дома знатных вельмож. Большая свита рабов, окружавших господина, как и раньше, являлась свидетельством богатства и политического влияния вельможи. Византийских послов в их поездках в чужеземные страны всегда сопровождала толпа рабов. Например, посол Юстиниана Сотерих, по словам историка Агафия, прибыл в страну мисимиян в сопровождении многочисленной свиты, в составе которой было много рабов ⁷⁶.

В Житии св. Артемия рисуется бытовая сценка из жизни византийского общества VI—начала VII в. Там рассказывается, как знатный сановник отправлялся в баню, окруженный рабами, несшими за ним простыни и другие принадлежности, необходимые для мытья ⁷⁷.

О чрезвычайно жестоком обращении со своими рабами-слугами византийских вельмож сообщает Прокопий. Он так рассказывает о расправе жены полководца Велизария Антонина с рабами, сообщившими мужу об

⁷⁰ CJ, XII, 34.6; 34.7.

⁷¹ CJ, XII, 34.6.

⁷² Procopii Caesariensis Anecdota, ed. J. Haury. Lipsiae, 1913 (далее — Прокоп., Н. А.), XXIV, 18—19.

⁷³ Прокоп., В. П., I, 23.

⁷⁴ Pap. Oxyg., 204-VB.

⁷⁵ Dig., XLVIII, 6; ср. CJ, IX, 12.8; Dig., XLIII, 16; ср. CJ, VIII, 4.5; IX, 33; Dig., XLVII, 8; XLI, 3. См. М. Я. Сюзюмов. О социальной сущности законодательства «Василик». ВВ, VI, 1953, стр. 72 сл.

⁷⁶ A g a t h i a e Historiae, ed. Dindorf. Historici graeci minores, t. II. Lipsiae, 1871 (далее — А г а т h.), III, 16.

⁷⁷ А. П. Рудаков. Указ. соч., стр. 132.

ее измене: «У них у всех, как говорят, она велела сначала вырезать язык, а затем, изрубив на мелкие куски, в мешках бросить в море. . . »⁷⁸. Тот же Прокопий передает, что когда императрица Феодора была заподозрена в любви к юному красавцу — рабу Ареобинду, то она, желая снять с себя это обвинение, приказала подвергнуть юношу жесточайшему наказанию плетьюми, а затем он исчез и никто не узнал о его судьбе⁷⁹. В чудесах Николая Мирмекийского (VI в.?) упоминается, как Николай спас раба, несправедливо брошенного в темницу и избитого его господином⁸⁰.

Наличие в Византии большого числа рабов-челяди отнюдь не говорит, однако, о том, что рабский труд в это время использовался преимущественно для домашних услуг. Приведенные выше данные о применении рабского труда в сельском хозяйстве, ремесле и на общественных работах свидетельствуют, что труд рабов в правление Юстиниана еще не потерял своего значения в производстве. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что к этому времени произошли весьма существенные изменения в формах и методах использования рабского труда, что нашло свое юридическое оформление в законодательстве.

Законодательство Юстиниана в отношении рабов весьма противоречиво и отражает борьбу двух различных социально-экономических и политических тенденций: с одной стороны, явно прослеживается стремление укрепить рабовладельческие отношения и даже реставрировать их во вновь отвоеванных для империи провинциях Запада⁸¹. Но одновременно, под воздействием изменений реальных общественных отношений, законодательство Юстиниана санкционирует новые явления в социально-экономической жизни, свидетельствующие о кризисе рабовладения и возрастающей нерентабельности труда рабов. Подобные изменения начались задолго до правления Юстиниана: еще в IV—V вв. можно проследить основные направления этой эволюции. Однако в VI в. они получили юридическое оформление в законодательстве Юстиниана, что говорит об их почти полном развитии, а в отдельных случаях и завершении.

Вместе с тем старые формы использования рабского труда, характерные для классического периода рабовладения, еще существовали в Византии VI в.⁸² Так, в Дигесты включено постановление, что имение, лишенное колонов, было передано землевладельцем для возделывания надсмотрщику — актору. При этом хозяин передал своих рабов: виллика Стиха и его помощников — викариев в распоряжение актора для обработки земли. После того как имение попало в заклад за долги, на суде встал вопрос о том, считаются ли в залоге и рабы, переданные актору. Судебное решение гласило, что в заклад попадают лишь те рабы, которые должны были оставаться в имении постоянно, а не были посланы туда временно⁸³. Отсюда видно, что землевладелец, в том случае когда он

⁷⁸ P. G. S. o. r., N. A., I, 1.27.

⁷⁹ Ibid., XVI, 11.

⁸⁰ А. П. Рудakov. Указ. соч., стр. 215. В чудесах св. Мины (V в.) есть рассказ о том, что раб, боясь наказания за потерю драгоценной чаши, кончил жизнь самоубийством, бросившись в море.

⁸¹ З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в., стр. 68 сл.; 328 сл.; 459 сл.; ее же. Политика византийского правительства в завоеванной Италии и результаты византийского завоевания. «Вестник МГУ», № 3, 1958, стр. 21 сл.; ее же. Политика византийского правительства в Северной Африке при Юстиниане. ВВ, VI, 1953, стр. 88 сл.; А. Р. Корсунский. Рабы и вольноотпущенники в Вестготском государстве VI—VII веков. «Средние века», вып. IV, 1953; З. В. Удальцова. Рабство и колонат в византийской Италии во 2-й половине VI—VII в. «Византийские очерки». М., 1961, стр. 93—120.

⁸² З. В. Удальцова. Некоторые изменения в положении рабов в Византии VI в., стр. 282 и сл.

⁸³ Dig., XX, 1.32.

не мог обрабатывать часть своих имений при помощи колонов, обращался к старому методу использования труда рабов под наблюдением надсмотрщика. Очевидно, в данном случае перед нами пример латифундального ведения хозяйства, основанного на рабском труде. Включение этого постановления в Дигесты говорит о том, что подобные казусы имели еще место в жизни и встречались в юридической практике VI в. Вместе с тем то обстоятельство, что подобные постановления в законодательстве Юстиниана редки, само по себе уже свидетельствует о постепенном, хотя и медленном, отмирании старых форм использования рабского труда. Подобное явление, видимо, находилось в прямой связи не только с нерентабельностью труда рабов, но и с сокращением барской запашки в этот период. Для землевладельцев становится все выгоднее, уменьшая собственную барскую запашку, делить имение на мелкие участки—парцеллы, часть которых сдавать в аренду колонам, а другую — передавать для обработки посаженным на землю рабам. Теперь все чаще раб работал в поле на положении *quasi colonus*⁸⁴. Особенно распространена была эта форма использования труда рабов на землях церкви. Согласно 7-й новелле Юстиниана, значительную часть церковных владений, которые Юстиниан запретил отчуждать, составляли имения, обрабатываемые сельскими рабами, посаженными на землю (*ἀνδράποδα ἀγροικιῶν*)⁸⁵.

Рабов, посаженных на землю, вносили в ценз имения, и они учитывались при установлении доходности земельных владений и раскладке налогов⁸⁶. При составлении ценза землевладельцы обязаны были сообщать цензору не только количество рабов, обрабатывавших землю в имении, но и их национальность, возраст, должность и специальность⁸⁷. Перевод посаженных на землю рабов в другое имение или их продажа могли повлечь за собой упадок культуры обработки имения, а следовательно, и его доходности. Это нанесло бы ущерб как землевладельцам, так и государству, ибо могло привести к снижению поступления налогов. Поэтому правительство Юстиниана и включило в Кодекс предписание, запрещавшее продавать без земли как оригинариев-колонов, так и сельских, посаженных на землю рабов, внесенных в цензовые списки имения⁸⁸.

В постановлении рассказывается о «хитростях», применяемых землевладельцами для обхода закона. Некоторые владельцы имений, продав лишь очень незначительную часть поместья, передавали вместе с ней и большинство зависимых людей, в частности колонов-оригинариев. Формально прикрываясь продажей земли, они фактически продавали своих работников «на вывод» другим владельцам, что приводило к обезлюдению всего поместья и упадку его агрикультуры. Поэтому закон предписывал в случае продажи части имения передавать вместе с землей только то число колонов и посаженных на землю рабов, которое реально обрабатывало эту землю при прежнем владельце⁸⁹. Этот запрет в практике того времени все же, видимо, нередко нарушался, ибо закон предусматривал потерю покупателем покупной цены, уплаченной за рабов, в случае продажи рабов без земли или, наоборот, имения без рабов.

Если продажа признавалась недействительной, продавец имел право требовать от покупателя возврата в имение незаконно купленных

⁸⁴ Dig., XXXIII, 7. 12.3.

⁸⁵ Nov. Just., VII, praef., 1.6.

⁸⁶ CJ, XI, 48.3.7.

⁸⁷ Dig., XI, 15.4.

⁸⁸ CJ, XI, 48.7.

⁸⁹ CJ, XI, 48.7. В завещание обычно не вносились недоимки колонов, но обязательно включались рабы, находившиеся в имении в момент смерти завещателя (Dig., XXXII, 78.3).

рабов со всем их потомством. Право требовать возврата рабов, даже в случае отказа самого продавца, получали его наследники без ограничения срока давности ⁹⁰.

Это предписание показывает, насколько важно было правительству и господствующему классу в целом закрепить за именными рабочую силу, и прежде всего внесенных в ценз сельских рабов и низшие категории колонов-оригинариев.

Чрезвычайно важным нововведением, внесенным в законодательство Юстиниана, является постановление, что раб, работавший на участке земли в качестве *quasi colonus*, уже не может считаться просто говорящим орудием, инвентарем имения, как это было раньше: «он уже находится в имении не в качестве инвентаря» (*«quia non pro instrumento in fundo fuerat»*) ⁹¹. Поэтому такой раб уже не может быть передан вместе с прочим инвентарем за пределы имения. Это постановление также направлено на сохранение в имении постоянных работников — посаженных на землю рабов, более заинтересованных в своем труде, чем рабы, работавшие при латифундиальном способе их эксплуатации.

Византийское правительство, идя навстречу требованиям крупных землевладельцев, санкционировало закрепление за их поместьями рабов и зависимых земледельцев. При этом оно не забывало и об интересах фиска. Так, согласно предписанию Кодекса Юстиниана, считалось преступлением сокрытие от фиска беглых рабов (*vagos servos*), переселившихся из заброшенных имений (*desertis agris*) во владения земельных собственников, Принявший беглых рабов должен был немедленно сообщить о них фиску для включения в податные списки и уплаты за них налогов ⁹².

В соответствии с этим общим направлением законодательства, закреплявшего рабов (и колонов) за именными, правительство Юстиниана включило в Кодекс строгие санкции против землевладельцев, принимавших в свои имения чужих рабов, бежавших от прежних господ. Если беглый раб будет найден у владельца имения, то принявший беглеца должен заплатить казне штраф в 12 либр серебра, а бывшему владельцу раба возратить не только самого беглеца, но в придачу другого раба такой же стоимости ⁹³.

Широкое распространение и законодательное оформление в Византии VI в. получает институт пекулия ⁹⁴. Известно, что этот институт был очень древним и основывался на принципе: «все, приобретенное моим рабом, принадлежит мне». Юридическое оформление теории пекулия получила в Дигестах Юстиниана ⁹⁵. По определению Дигест, пекулий — это все то, что господин не по обязанности, а по своей воле дает рабу для ведения им самостоятельного хозяйства. Пекулий остается собствен-

⁹⁰ CJ, XI, 48.7.

⁹¹ Dig., XXXIII, 7.12.3. Однако делалась оговорка, что раб-виллик включается в инвентарь поместья в том случае, если земля им обрабатывается не на условии внесения им твердо установленной арендной платы, а за счет хозяина (Dig., XXXIII, 7.18. 4).

⁹² CJ, XI, 48.3.

⁹³ CJ, XI, 48.12.

⁹⁴ О пекулии рабов в Римской империи и Византии см. М. Я. С ю з м о в. К вопросу о процессах феодализации в Римской империи. ВДИ, 1955, № 1, стр. 55 сл.; е г о ж е. О правовом положении рабов в Византии. «Уч. зап. Свердловского гос. пед. ин-та», 1955, стр. 174—178; А. Р. К о р с у н с к и й. О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV—V вв. ВДИ, 1954, № 2, стр. 52 сл.; Е. М. Ш т а е р м а н. Рабство в III—IV вв. н. э. в западных провинциях Римской империи. ВДИ, 1951, № 2, стр. 86 сл.; З. В. У д а л ь ц о в а. Италия и Византия в VI в., стр. 85 сл.; е е ж е. Некоторые изменения в экономическом положении рабов в Византии VI в., стр. 285 сл.

⁹⁵ Dig., XV, 1.2.

ностью господина, закон ничем не ограничивает право хозяина отнять у раба пекулий.

В состав пекулия входило не только то, что раб получил от господина, но и то, что он со временем приобретал благодаря данным ему господином средствам.

В Дигестах содержится весьма образное сравнение пекулия с человеческой жизнью. Пекулий, подобно человеку, рождается, когда господин жалуется пекулий своему рабу; затем пекулий растет, по мере того как раб приобретает новое имущество; впоследствии он слабеет (это происходит, когда умирают рабы-викарии, работавшие в качестве помощников раба—владельца пекулия) и, наконец, умирает, если господин отбирает пекулий у раба⁹⁶.

Права господина на пекулий раба выражались еще и в том, что при освобождении раба пекулий мог оставаться у господина⁹⁷. В случае отпуска на волю раба, находившегося в коллективной собственности нескольких господ, «пекулий раба остается у всех совладельцев в соответствии с частью, какой владеет каждый в рабе»⁹⁸.

Изъятие пекулия у раба было сопряжено с экономическим ущербом как для господина, заинтересованного в доходе, получаемом с пекулия, так и особенно для лиц, связанных различными сделками с рабом. Поэтому изъятие у раба пекулия было редким явлением. Рабы завещались, как правило, вместе с пекулием. В Дигестах сказано, что если завещан раб с пекулием, а он (раб) тем временем перешел к другому владельцу, или отпущен на волю, или умер, аннулируется также завещание пекулия⁹⁹.

Обычно пекулий оставался за рабом при его отпуске на волю *inter vivos*. Правда, если раб при переходе к другому хозяину утаивал какое-либо имущество, входившее в пекулий, то прежний господин мог потребовать возврата этих вещей через суд¹⁰⁰. Но чаще всего господину было выгоднее продать раба вместе с пекулием, так как при этом цена раба значительно повышалась (она включала стоимость пекулия). При подобной сделке могли продаваться вместе с пекулием и входившие в состав пекулия раба подчиненные ему рабы-викарии.

В пределах имения рабы могли распоряжаться пекулием при условии соблюдения хозяйственных интересов всего поместья. «Они (рабы) распределяют, дарят, завещают в пределах дома»¹⁰¹.

Хозяева молчаливо признавали возможность для раба выкупить себя на свободу за счет какой-то части средств, полученных от распоряжения пекулием. Если раб отпускался на свободу по завещанию при условии уплаты кому-либо определенной суммы денег, то это распоряжение толковалось в том смысле, что раб уплачивал деньги из своего пекулия¹⁰².

Пекулий даровался господами рабам, занятым как в сельском хозяйстве, так и в городском ремесле. Пекулий мог состоять из участка земли, сельскохозяйственного инвентаря и скота, необходимого для возделывания этого участка, или же из ремесленной мастерской, лавки с инвентарем, сырьем, товарами и деньгами для оборота, необходимыми для ремесленной и торговой деятельности. Так, рабы-ювелиры имели мастерские на правах свободного управления пекулием и могли самостоятельно

⁹⁶ Dig., XV, 1.40. «*Peculium nascitur, crescit, decrescit, moritur... peculium simile esse homini...*».

⁹⁷ CJ, IV, 14.5.

⁹⁸ CJ, VII, 7.1; ср. Dig., XXXIII, 8.19.2.

⁹⁹ Dig., XXXIII, 8.1: «*Servo legato cum peculio, et alienato, vel manumisso, vel mortuo, legatum etiam peculii extinguitur.*».

¹⁰⁰ Dig., XVIII, 1.29.

¹⁰¹ C. Plinius Secundus. Ep., VIII, 16.

¹⁰² Dig., XL, 7.3.1, 7, 8; 13.1; 17; 31.1.

заниматься ювелирным делом, причем не только по приказу господина, но и брать заказы со стороны без ведома господина, накапливая средства для своего выкупа из рабства ¹⁰³.

В качестве пекулия рабу могли быть переданы и другие рабы, так называемые викарии (*servi vicarii*), и, таким образом, раб становился как бы рабовладельцем ¹⁰⁴. Раб мог даже покупать других рабов. Он мог выделить из своего пекулия какую-то часть и дать ее в виде пекулия рабу-викарию.

Право свободного управления пекулием было очень важной для раба привилегией, сразу менявшей его статус по сравнению с положением раба, лишенного пекулия ¹⁰⁵. Поэтому хозяева предоставляли свободное управление пекулием далеко не всем рабам, а только тем, которые внушали им уверенность, что они благодаря своему трудолюбию, знанию сельского хозяйства или ремесла сумеют принести доход с переданного им в пекулий имущества. Передача рабу права свободного управления пекулием требовала особого оформления в виде специального разрешения господина и официального оповещения об этом. Получив право свободного управления пекулием на участок земли или ремесленную мастерскую, раб вместе с тем приобретал известную хозяйственную и коммерческую самостоятельность, что было необходимо для ведения дел и извлечения дохода от пекулия. Раб, не имевший права свободного управления пекулием, все сделки мог заключать лишь с разрешения господина. Отнятие у раба пекулия-участка земли, и особенно пекулия-ремесленной мастерской или лавки в городе вызывало, естественно, нарушение нормальной хозяйственной деятельности и тем самым наносило ущерб как хозяину раба, так и лицам, которые были связаны с рабом деловыми отношениями. Поэтому необходимо было дать какие-то гарантии свободным лицам, ведущим дела с рабом. Необходимы были гарантии, что пекулий раба не будет отнят по произволу господина, ибо это нанесло бы ущерб деловым сделкам и хозяйственному обороту контрагентов раба. Особенно это было важно тогда, когда пекулий раба был связан с товарно-денежными отношениями и включался в хозяйственный оборот в городе ¹⁰⁶. Поэтому фактически устанавливалось такое положение, когда господин, дав рабу право свободного управления пекулием (ремесленной мастерской или лавкой), сам фактически не вмешивался в ведение дел, передоверив вместе с тем рабу заключение всех сделок, связанных с управлением пекулием. Раб—владелец «свободного пекулия» — мог: продавать входящее в пекулий имущество, включая и недвижимое (например дом); заключать любые коммерческие соглашения, брать деньги в долг, давать займы, давать и принимать залоги; давать поручительство в делах, касающихся своего предприятия, входящего в пекулий; производить изменение сроков уплаты по различным соглашениям; присягать по делам, связанным с пекулием ¹⁰⁷. Сделка с владельцем «свободного пекулия» считалась законной даже в том случае, если господин приказывал ее аннулировать, ибо она была связана с интересами свободных лиц и могла быть отменена только по закону, а не по произволу хозяина раба ¹⁰⁸.

¹⁰³ М. Я. Сюзюмов. О правовом положении рабов в Византии, стр. 175—176.

¹⁰⁴ Dig. XV, 1.7.4: «In peculio autem res esse possunt omnes et mobiles, et soli vicarios quoque in peculium potest habere, et vicariorum peculium, hoc amplius et nomina debitorum».

¹⁰⁵ Dig., XV, 1.7.1.

¹⁰⁶ В этом вопросе мы полностью согласны с выводами М. Я. Сюзюмова («О правовом положении рабов в Византии», стр. 175 сл.).

¹⁰⁷ Dig., XII, 2.11.2; XV, 1.48.1; ср. Dig., XII, 1.11.2.

¹⁰⁸ Dig., XV, 1.29.1; ср. Dig., XVII, 2.18.

Единственное ограничение в деятельности раба сводилось к запрету дарить пекулий, как путем составления официальной дарственной грамоты, так и каким-либо иным, обходным путем¹⁰⁹. Раб не имел, кроме того, права простить долг, что фактически являлось бы тоже актом дарения какой-то части пекулия. Иными словами, рабу запрещалось безвозмездное отчуждение пекулия, поскольку пекулий принадлежал господину. Любые же сделки, способствовавшие возрастанию доходов с пекулия, всячески поощрялись, так как эти доходы шли хозяину раба.

Для гарантии интересов свободных, ведущих дела с рабом, фактически создавалось такое положение, что хозяин мог отнять «свободный пекулий» только при условии выполнения по нему всех обязательств по отношению ко всем заинтересованным лицам. Законом устанавливались определенные гарантии кредиторам раба — владельца «свободного пекулия». Категорически запрещалось отнимать пекулий у раба в ущерб интересам кредиторов¹¹⁰. Если господин забирал у раба часть пекулия и тем нарушал нормальную хозяйственную деятельность предприятия (а это в свою очередь приводило к тому, что раб не мог уплатить долгов), кредиторы имели право возбудить против господина судебное дело и потребовать уплаты той суммы, которую он взял у раба¹¹¹.

Рабы получали возможность в качестве обладателей пекулия приказчиков, руководителей мастерских, шкиперов, доверенных лиц своих господ обязывать сделками своих хозяев (*actiones adjecticiae qualitatis*). Юридически было признано законным *actio de peculio*, заставлявшее господина отвечать в размере стоимости пекулия по сделкам раба, в том числе уплачивать долги, сделанные рабом. При исчислении стоимости пекулия принимались во внимание обязательства раба, заключенные с посторонними лицами и даже с самим господином¹¹². Это вносило огромную перемену в статус рабов.

Таким образом, при наличии развитых товарно-денежных отношений (особенно в городе) господину было не только невыгодно, но и просто весьма затруднительно отнять пекулий раба без каких-то экстраординарных причин.

Раб, распорядившийся «свободным пекулием», мог не только иметь рабов-викариев, но даже нанимать для работы в эргастерии лично свободных бедняков — мистиев. Раб, управлявший эргастерием, мог иметь дом, где жили рабы-викарии и свободные работники — мистии. При этом раб-управляющий нес ответственность за поведение не только рабов-викариев, но и мистиев. В случае какого-либо правонарушения, совершенного рабами-викариями или мистиями, раб-эргастериарх подвергался наказанию за то, что не предотвратил преступления. Раб — владелец «свободного пекулия» — мог вести торговые дела и совершать различные сделки с лицами, приезжавшими в город, где он жил, и даже с иностранцами¹¹³.

Раб мог вступить в компанию со свободным человеком и вести совместно с ним дело. Если господин продавал такого раба, его деловые обязательства не аннулировались и он должен был их выполнять, даже перейдя к новому господину. Старые же долги раба подлежали уплате прежним господином в течение одного года¹¹⁴.

¹⁰⁹ Dig., XV, 1.27 (28). 2.

¹¹⁰ Dig., XV, 1.9.

¹¹¹ Dig., XV, 3.1.

¹¹² Dig., XV, 1.5.4; 9. 2.

¹¹³ Dig., XV, 1.51.

¹¹⁴ Dig., XVII, 2.58.3. См. В. М. Хвостов. Натуральные обязательства по римскому праву. М., 1898.

Ведя самостоятельное хозяйство на своем пекулии, раб мог стать поручителем в каком-либо деле, однако господин не нес ответственности за поручительство раба ¹¹⁵.

В отдельных случаях раб — владелец пекулия — мог даже быть опекуном. При этом для гарантии прав опекаемого лица закон лишал господина раба какой-либо власти над имуществом подопечного ¹¹⁶.

Все это показывает, что законодательство Юстиниана фактически закрепляло создавшееся в реальной действительности положение, рожденное длительной эволюцией, когда раб в деловых отношениях рассматривался как квази-свободное лицо и мог самостоятельно вести хозяйство. Хозяйственная самостоятельность рабов давала возможность господам использовать их в качестве подставных лиц при ведении различных дел. Так, по данным Кодекса Юстиниана, еретики, лишённые права заниматься какой-либо деятельностью, продолжали вести свои дела, управлять виллами через подставных лиц (*per interpositas personas*), скорее всего — через своих рабов ¹¹⁷.

Львиная доля доходов со «свободного пекулия» шла господину. Однако, хотя по юридической теории того времени все, приобретенное рабом, становилось собственностью его хозяина, в действительности раб, получив значительную хозяйственную самостоятельность, естественно, стремился утаить от господина часть заработанных средств, чтобы скопить деньги для выкупа себя и семьи из рабства. При наличии пекулия раб мог прирабатывать на стороне и за счет работы по ночам. Папирусы, нарративные источники и само законодательство говорят о наличии собственных средств у рабов, помимо их пекулия ¹¹⁸. В законодательстве, правда, по вопросу о личной собственности раба нет полной ясности, и суждения, включённые в Дигесты, противоречивы. С одной стороны, юридическая теория исходила из того, что все, принадлежащее рабу, как и он сам, — собственность господина; поэтому раб не признавался законным собственником накопленных им денег. Но, с другой стороны, законодатели вынуждены были признать реальный факт существования у раба личной собственности.

Прежде всего, законодательство признавало за рабом право использовать для выкупа деньги, накопленные сверх дохода с пекулия, отдаваемого господину. Дигесты прямо говорят, что раб мог выкупить себя на собственные деньги ¹¹⁹. При этом в отдельных случаях требовалось, чтобы раб доказал, что эти деньги принадлежат ему лично. Если раб, живший не у господина, заявлял, что выкупил себя на свои деньги, он должен был это доказать; причем, если он не сумел этого сделать, то возвращался своему господину и мог по желанию господина быть сослан в рудники.

Закон признавал за рабом право подать жалобу префекту города на то лицо, которое утаило деньги раба, предназначенные для выкупа его из рабства ¹²⁰.

¹¹⁵ Dig., XV, 1.47.1.

¹¹⁶ Dig., XV, 1.52.

¹¹⁷ CJ, I, 5.14.

¹¹⁸ О наличии собственности у рабов помимо пекулия см. R. T a u b e n s c h l a g. Das Sklavenrecht im Rechte der Papyri, S. 160. Как упоминалось выше, Прокопий сообщает, что рабы могли накопить довольно значительные средства, достаточные, например, для покупки воинского звания схолария (P r o c o p., Н. А., XXIV, 18—19).

¹¹⁹ Dig., XL, 3.8.

¹²⁰ Dig., I, 12.1.1: «Servos, qui ad statuas confugerint, vel sua pecunia emtos, ut manumittantur, de dominis querentes audiet».

Весьма важным показателем признания законодательством Юстиниана реального факта существования личной собственности у рабов является изменение законодательных предписаний VI в., по сравнению с периодом Римской империи, относительно завещания раба. В Римской империи раб не мог ни завещать, ни получить что-либо по завещанию. Исключение делалось лишь для государственных рабов, которым разрешалось посредством завещания распоряжаться половиной своего имущества¹²¹. Если рабу было завещано господином имущество до его отпуска на свободу, то завещание аннулировалось, даже если наследники умершего хозяина отпускали раба на волю¹²².

В 531 г. Юстинианом было издано особое предписание, являвшееся важным нововведением: если господин завещал своему рабу какое-либо имущество, то тем самым он отпускал данного раба на свободу¹²³. Правда, это постановление касалось только своих, а не чужих рабов. Если раб получал по завещанию какое-либо имущество не от своего хозяина, а от чужого, этот акт не делал раба свободным. Более того, завещанное рабу чужим господином имущество переходило к хозяину раба. Если раб находился в коллективной собственности нескольких господ, то самому рабу предоставлялась возможность указать, на чье имя должно быть передано полученное им по завещанию имущество.

Таким образом, законодательство Юстиниана признавало право раба получить от своего господина имущество по завещанию.

Согласно предписанию Дигест, имущественные обязательства рабов сохранялись и после отпуска их на свободу. Иными словами, деликт, совершенный рабом, порождал право иска уже не против хозяина раба, а против самого раба в случае получения им свободы¹²⁴.

Итак, мы видим, что в VI в. в Византии все сильнее пробивает себе дорогу новая тенденция социально-экономического развития — использование труда рабов для ведения мелкого хозяйства как в деревне, так и в городе. Новая форма приводила к усилению заинтересованности рабов в труде и к некоторой интенсификации хозяйства. Более широкое применение передачи рабам пекулия способствовало большей устойчивости хозяйственной деятельности раба. Особенно это сказывалось в городском ремесле, где весь пекулий раба (мастерская, инвентарь, сырье, товар, деньги) находился в обороте и произвольное отнятие его у раба затрагивало интересы свободных, ведущих дела с рабом. В сельском же хозяйстве участок раба — его пекулий — не находился в обороте, он не мог быть продан и раб был более ограничен в распоряжении им, чем ремесленной мастерской в городе.

Однако самый статус раба, его бесправное юридическое положение придавали производственной деятельности раба и в городе ограниченный характер, что, конечно, задерживало развитие производительных сил и рост товарного производства. Все, кто имел дела с рабом, всегда принимали во внимание его рабское, подчиненное состояние, что крайне затрудняло ведение рабом дел в крупных масштабах.

Вместе с тем все сказанное свидетельствует, что экономическое положение рабов в период разложения рабовладельческих и начала становления феодальных отношений существенно изменялось в сторону увеличения их хозяйственной самостоятельности и интенсификации их труда.

¹²¹ Ulpian. Fr. tit. 23, § 16.

¹²² Gajus. Institutiones, ed. E. Seckel—B. Kübler. Leipzig, 1939, II, 187.

¹²³ CJ, VI, 27.5.

¹²⁴ Dig., XL, 4.7.14.

Эволюция в экономическом положении рабов привела к некоторым изменениям и в их юридическом статусе. Важнейшим из них было ослабление власти господина и защита человеческой личности раба. Власть господина над рабами в VI в. все с большим основанием можно рассматривать как право над лицом, а не право над вещью. Еще по закону императора Константина господин, убивший своего раба, наказывался как за совершение убийства (*homicidium*)¹²⁵. В законодательстве Юстиниана у господина фактически было отнято право на жизнь раба. В Кодекс Юстиниана был включен закон, категорически запрещающий убийство раба с преднамеренной целью¹²⁶. Правда, одновременно допускались и некоторые исключения. Например, если раб умирал во время наказания плетями или заключения в темнице, то господин не нес никакой ответственности¹²⁷. Умышленное убийство раба вызывало осуждение в обществе того времени. Агафий Миринейский рассказывает, что византийский полководец Нарсес во время войны с остготами в Италии приказал казнить одного знатного герула за не оправданное ничем убийство раба, несмотря даже на то, что герул доказывал свое право на жизнь раба¹²⁸.

Законодательство запрещало чрезмерную жестокость по отношению к рабам. «У всех без исключения племен — сказано в Институциях Юстиниана, — мы замечаем, что господа имеют над рабами право жизни и смерти, а все то, что приобретается рабом, приобретается для господина. Но в наше время ни одному человеку, находящемуся под нашей властью, не дозволено без причины, установленной законом, сверх меры свирепствовать против своих рабов»¹²⁹. В тех же Институциях прямо указывается и причина, заставлявшая правительство регулировать взаимоотношения господ и рабов: «Для государства важно, чтобы никто не поль-

¹²⁵ СTh., IX, 12.1.2. См. В. М. Хвостов. История Римского права. М., 1916, стр. 413; M. Voigt. Römische Rechtsgeschichte. Stuttgart u. Berlin, 1902, III. Bd., S. 205 ff.

¹²⁶ CJ, XI, 14.1. Еще в Поздней Римской империи было запрещено господам без приговора суда отдавать своих рабов на борьбу с дикими зверями (Dig., XLVIII, 8.11.2). Не допускалась покупка рабов для этой цели, в том числе даже рабов-преступников (Dig., XVIII, 1.42; XLVIII, 8.11.1).

¹²⁷ CJ, IX, 14.1. В законе сказано: «Если господин будет бить раба плетями. . . или заключит его в оковы и бросит в темницу. . . , то пусть не чувствует никакого опасения быть обвиненным в смерти раба. Однако своим правом пусть пользуется умеренно, в противном случае он стал бы убийцей человека, если преднамеренно убил его ударом палки или камня, или пользуясь другим смертоносным оружием, нанеся ему рану, или предписав его повесить, или же ужасным приказанием привести его к гибели, или же отравив сильно действующим ядом, а также если будет терзать тело жестокими штыками, резать железом ногти, жечь тело поднесенным огнем. . . или же будет подвергать мучительным истязаниям, вследствие которых человек умирает». В V в., по данным Жития Порфирия Газского, господину разрешалось «уверещать» непокорного раба суровыми наказаниями. «Раба (*οἰχίστην*) непослушного хозяин образумливает всячески, чтобы он служил благожелательно и чистосердечно. Найдя же, что он совершенно не поддался его убеждениям, хозяин по необходимости в дальнейшем воздействует страхом, побоями, цепями и прочими подобными мерами, желая не погубить его, а заставить постычь» (Mars de Diasre. Vie de Porphyre, évêque de Gaze. Paris, 1930, 573, p. 58).

¹²⁸ A g a t h., II, 7.

¹²⁹ Inst., I, 8.2. В Дигестах же говорится, что за убийство без причины своего раба господин несет такую же ответственность, как и за убийство раба, принадлежащего другому хозяину (Dig., I, 6.1.2). Но теперь признавалась излишней жестокостью продажа раба с целью мести на таких тяжелых условиях, как работа в кандалах, отсылка в местность с нездоровым климатом или на условия никогда не отпустить раба на свободу. Осуждение бесчеловечного отношения господ к рабам встречалось и ранее, например с особой силой оно звучало, как известно, в проповедях Иоанна Златоуста (начало V в.), но лишь при Юстиниане требования смягчения отношения к рабам получили, наконец, свое юридическое оформление,

зовался своей вещью дурно. . . , ибо из-за этого могут вспыхнуть волнения»¹³⁰. Боязнь рабских восстаний заставляла правительство империи несколько ограничивать произвол рабовладельцев в отношении их рабов. Если раб просил защиты от чрезмерной жестокости господина, то, согласно предписанию Дигест, раба должны были продать другому хозяину¹³¹. По законам химьяритов (VI в.), жестокий господин, бесчеловечно обращавшийся со своими рабами, моривший их голодом и избивавший, не только лишался их, но и должен был выдать расписку, что он никогда не будет покупать других рабов¹³². Законы химьяритов устанавливали, что наказание провинившейся рабыни поручалось хозяйке дома, а наказание раба — хозяину. Запрещалось бить раба по голове, разрешалось бить только по ногам¹³³. Господин был обязан лечить больного раба; если хозяин бросал на произвол судьбы больного или старого раба, обрекая его тем самым на гибель, а тот все же оставался жив, то раб получал свободу¹³⁴.

Если закон защищал раба лишь от зверств его собственного господина, то значительно более решительные меры принимались законодательством для охраны рабов (как собственности их владельца) от каких-либо посягательств и насилий со стороны посторонних лиц.

«Даже рабам чужим нельзя наносить обиды», — гласит Кодекс Юстиниана¹³⁵. За убийство чужого раба или изнасилование чужой рабыни-девушки виновный привлекался к суровой уголовной ответственности¹³⁶. Насилие, причиненное рабу, рассматривалось как оскорбление его господина¹³⁷. Однако даже чужого раба свободному разрешалось бить кулаком, не нанося при этом тяжелых увечий¹³⁸.

И в VI в., по юридической теории, господин нес ответственность за преступления раба¹³⁹. Господину обычно предоставлялось при этом право выбора — отдать ли раба для наказания судье или самому взять на себя ответственность за проступок раба. Господин, однако, не мог отделаться от раба передачей его судье в тех случаях, когда он сам являлся соучастником преступления раба¹⁴⁰. Во всех политических делах, особенно таких, как мятеж рабов, господин нес ответственность перед правительством вместе со своими рабами. За подстрекательство рабом толпы к мятежу и грабежу имущества отвечал и господин раба¹⁴¹. Если рабы принимали участие в недозволенных сборищах, то господин

¹³⁰ Inst., I, 8.1.

¹³¹ Dig., I, 6.1.2.

¹³² PG, t. 86, col. 609.

¹³³ PG, t. 86, col. 605—608.

¹³⁴ Dig., XLVIII, 8.8.2.

¹³⁵ CJ, IX, 35.1. Закон объявлял бесчестным того, кто осужден за несправедливое оскорбление раба.

¹³⁶ CJ, III, 35.3. Если раб был изувечен или убит посторонним лицом, то виновный не только возмещал ущерб господину раба, но и привлекался к уголовной ответственности за убийство. Если рабу было нанесено оскорбление, то господин, независимо от возмещения материальных убытков, получал также право предъявлять виновному иск о нанесении оскорбления (*actio injuriarum*) (Dig., XLVII, 10.25; XLVIII, 5.6).

¹³⁷ Dig., XLVII, 10.15.44. При установлении наказания суд принимал во внимание как положение в обществе хозяина раба (учитывалось также и то обстоятельство, знал ли виновный в насилии над рабом, кто его господин), так и статус самого пострадавшего раба (был ли раб управляющим или викарием и т. п.).

¹³⁸ Dig., XLVII, 10.15.44; Inst., IV, 4.3.

¹³⁹ CJ, III, 33.20. Согласно этому закону, жаловаться на захват имущества рабом нужно не на раба, а на его хозяина. Но обычно хозяин отвечал за преступления раба в пределах стоимости раба и его пекулия.

¹⁴⁰ CJ, III, 41.4.

¹⁴¹ Dig., XLVII, 8.2. Cp. CTh., XVI, 4.5.

платил за каждого раба штраф в три либры золотом¹⁴². Сами же рабы во всех этих случаях подвергались жестоким наказаниям. За вооруженный мятеж рабам всегда грозило сожжение или распятие на кресте.

По уголовным делам рабы во всех случаях сами несли ответственность¹⁴³. По особым делам, например по делу о похищении рабом замужней женщины, обвинение предъявлялось не хозяину, а только рабу¹⁴⁴.

Раб по-прежнему не мог свидетельствовать в суде ни за, ни против своего господина. Однако это древнее установление в VI в. все чаще и чаще нарушалось. По всем политическим процессам (например касающимся оскорбления величества) и по особо важным уголовным делам (о святотатстве, убийстве, прелюбодеянии, похищении девушки) рабы фактически могли привлекаться в качестве свидетелей и против своих господ¹⁴⁵. Прокопий рассказывает, что император Юстиниан в борьбе с представителями старой римской (языческой) аристократии использовал против своих врагов обвинения в педерастии, привлекая в качестве свидетелей против господ их рабов¹⁴⁶. Правда, когда императрица Феодора, преследуя сенатора Диогена, выставила в качестве обвинителей его в педерастии двух юных рабов, то суд признал их показания недостаточными для вынесения обвинительного приговора¹⁴⁷.

Показания рабов против господ учитывались на суде при разборе дел, касавшихся взимания налогов, когда были задеты интересы фиска, и при таких имущественных исках, когда не было другой возможности установить истину¹⁴⁸.

В исключительных случаях раб, спасаясь от жестокости господина, мог искать убежища в церкви, и его жалоба рассматривалась префектом города. Но рабы могли предъявить обвинение господину в чрезмерной жестокости, лишь имея на это самые веские основания; в случае же если их обвинение признавалось ложным, они карались смертной казнью¹⁴⁹.

Рабы всегда могли привлекаться в качестве свидетелей против всех других лиц, кроме их господина¹⁵⁰.

В Юстиниановом праве сохранилось жестокое узаконение римского времени, что все свидетельские показания рабов должны даваться только под пыткой¹⁵¹. При этом лицемерно требовалось, чтобы раб после пыток оставался живым, однако молчаливо признавалась возможность его гибели, ибо устанавливалась материальная компенсация хозяину за смерть раба. Судья же не нес никакой ответственности, если раб погибал во время пыток¹⁵². Из «Тайной истории» Прокопия мы видим, что пытки рабов на суде оставались обычным явлением в его время. С высокомерием истого рабовладельца Прокопий пишет: «Он (Юстиниан. — З. У.) быстро отказывался от своих обещаний и клятв, как самые низкие рабы, которых страхом перед поставленными перед их глазами орудиями пыток заставляют, дав присягу, подтверждать то или иное показание»¹⁵³.

¹⁴² CTh., XVI, 4.5.

¹⁴³ Dig., XLIV, 7.14.

¹⁴⁴ CJ, III, 41.4.

¹⁴⁵ Dig., XLVIII, 18.1.7—16.

¹⁴⁶ P g o c o p., H. A., XI, 35.

¹⁴⁷ Ibid., XVI, 24—25.

¹⁴⁸ Dig., XLVIII, 18.9.

¹⁴⁹ Dig., I, 12.1.8. Запрещалось истязать рабов, морить голодом и принуждать к непристойному образу жизни.

¹⁵⁰ Dig., XLVIII, 18.1.7—16.

¹⁵¹ Dig., XLVIII, 18.1.7—17.

¹⁵² Dig., XLVIII, 18.7. Если к судебному расследованию привлекался раб, принадлежавший постороннему лицу, то заранее устанавливалась цена раба, чтобы в случае смерти раба под пыткой возместить его стоимость хозяину.

¹⁵³ P g o c o p., H. A., VIII, 25.

Вместе с тем получение рабами права свободного управления пекулием влекло за собой необходимость рассмотрения в суде некоторых самостоятельных исков рабов. Раб не только, как и раньше, мог подать жалобу в суд на свободного гражданина, причинившего ему насилие в отсутствие господина¹⁵⁴, или вчинить иск о незаконном обращении в рабство и сокрытии завещания об его отпуске на свободу, но и вести некоторые самостоятельные имущественные процессы. Раб мог подать иск о принятом и сданном залоге, об уплате долгов и о других делах, касающихся управления пекулием. При этом раб имел возможность прибегать к защите юристов¹⁵⁵.

В этом аспекте очень интересно постановление Дигест с внесенной в него глоссемой о Спартаке: «Если раб, которым я владел, выдает себя за свободного человека, как это сделал Спартак (!), и готов подвергнуться судебному процессу, то он не считается находящимся во владении господина, противником которого (на суде) он готовится быть»¹⁵⁶.

Таким образом, ко времени кодификации римского права при Юстиниане изменения в экономическом положении рабов были уже столь значительными, что они подготовили и некоторые перемены в правовом положении рабов, например в отношении их участия в судопроизводстве. Однако изменения правовых норм происходили медленнее, чем эволюция в социально-экономических отношениях, и все еще отставали от требований жизни.

Довольно существенные изменения произошли к VI в. и в семейно-правовом положении рабов. Получение рабами права ведения хозяйства на пекулии способствовало установлению более прочной семьи раба. И действительно, источники VI в., в том числе и эпиграфические памятники, содержат многочисленные упоминания о семьях рабов¹⁵⁷. Законодательство Юстиниана о семейно-правовом положении рабов довольно противоречиво. С одной стороны, как мы видели, оно повторяет древние узаконения о том, что дети рабыни всегда считаются рабами, собственностью ее господина¹⁵⁸. Если рабыня находилась в коллективной собственности нескольких господ, то рожденные ею дети могли быть переданы разным господам и разлучены с матерью. Дети раба и свободной женщины сохраняли статус матери, т. е. оставались свободными. Дети, зачатое в то время, когда мать его была еще свободной, хотя бы и рожденное уже в рабстве, должно считаться свободным¹⁵⁹.

К этим старым предписаниям сам Юстиниан в 536 г. в своей 22-й новелле добавил еще более суровые постановления, признававшие абсолютно невозможным законный брак между рабами и категорически запрещающие всякие неравные браки между свободным мужчиной и рабыней¹⁶⁰.

Одновременно в законодательство Юстиниана проникают некоторые новые более реалистические взгляды, считающие необходимым признать

¹⁵⁴ CJ, VIII, 5.1.

¹⁵⁵ Dig., XLVIII, 19.19.

¹⁵⁶ Dig., XLI, 2.3.10; см. И. С. Перетерский. Дигесты Юстиниана. . . , стр. 93—94. По его мнению, глоссема в текст внесена неизвестным копиистом III—V вв.

¹⁵⁷ Дигесты упоминают о том, что имена передавались по завещанию вместе с жившими там семьями рабов, с их сыновьями и дочерьми (*cum contubernalibus suis, et filiis et filiabus*) (Dig., XXXIII, 7.20.1). Надписи, главным образом эпитафии, сообщают о семьях рабов (*servi conjuges, conservi, contubernalis*). Em. Costa. Corso di storia del diritto romano, t. I. Roma, 1901, p. 351. См. А. П. Каждан. О некоторых спорных вопросах. . . , стр. 85—86.

¹⁵⁸ CJ, III, 32.7; Dig., XLI, 1.66.

¹⁵⁹ CJ, IX, 47.14.

¹⁶⁰ Nov. Just., XXII, 9.10.

de facto семьи рабов. Закон запрещал при разделе имущества разлучать семьи рабов. «Кто же станет отделять детей от родителей, братьев от сестер, мужей от жен?»¹⁶¹. Родственные узы, связывавшие рабов, должны были в известной степени приниматься во внимание при отпуске их на волю, хотя иногда отпуск на свободу детей и родителей мог и не быть единовременным актом¹⁶².

Римские юристы стали рассматривать родство между рабами как препятствие к заключению брака по достижении рабом свободы¹⁶³.

В особых случаях делались оговорки и к закону, запрещавшему брак свободного и рабыни. Если свободный человек всю жизнь оставался холостым и, «пораженный любовью» (*amore affectus*), прожил свой век с рабыней как с фактической женой, то после смерти господина рабыня и все ее дети, рожденные от хозяина, становились свободными¹⁶⁴. Одновременно связь свободного человека с чужой рабыней строго запрещалась под страхом потери свободы¹⁶⁵.

По законам химваритов, каждый рабовладелец в обязательном порядке должен был найти (или специально купить) жен для всех своих рабов. Если же господин был беден и не имел для этого средств, то он был обязан продать даже одного своего раба¹⁶⁶.

В правление Юстиниана некоторым категориям рабов, в частности императорским рабам, даровались льготы в сфере семейно-правовых отношений. Потомство обоего пола (*natos natasque origini*), рожденное от браков императорских рабов и рабынь с колонами-адскриптициями или рабами, получало свободу¹⁶⁷.

Вместе с тем в случае, если раб, работавший в государственных мастерских, переходил в дом к частному лицу и женился на его рабыне, то и сам раб, и вместе с ним его жена и дети по закону в принудительном порядке вновь возвращались на общественные работы¹⁶⁸.

В связи с общим улучшением правового положения женщины в государстве Юстиниан отменил древнее жестокое постановление, согласно которому свободная женщина, добровольно вступившая в связь с чужим рабом и не прекратившая этого сожителства, по требованию господина раба сама становилась рабыней¹⁶⁹.

Кроме того, законом были приняты меры против отдачи рабынь для проституции¹⁷⁰. Если рабыня продавалась с условием «*ne prostituatur*», то соблюдение условия по закону считалось обязательным для покупателя. В случае нарушения этого предписания рабыня получала свободу¹⁷¹.

Противоречивость реальных условий жизни привела к противоречивости законодательных постановлений Юстиниана о семьях рабов.

¹⁶¹ CJ, III, 38.11. При толковании завещаний юристы заботились о том, чтобы не разлучать рабов-супругов.

¹⁶² CJ, VI, 4.4.10. Правда, оговаривалось, что законодатель только рекомендует учитывать семейные узы рабов при их отпуске на свободу (*Dig.*, XXIII, 2.14).

¹⁶³ *Dig.*, XXIII, 2.14. 2; *Inst.*, I, 10.10.

¹⁶⁴ CJ, VI, 4.4.3.

¹⁶⁵ *Nov. Just.*, XXII, 9.10. В этом отношении законодательство Юстиниана было даже более суровым, чем узаконения эпохи Поздней Римской империи, согласно которым свободный человек попадал под власть хозяина рабыни лишь в случае совершения насилия над ней. Более того, богач мог в подобном случае возместить убыток хозяину рабыни выдачей ему двух рабов, а бедняк после наказания палками становился коллегиатом соседней городской общины (*Nov. Valent.*, III, 30. 5; ср. *Ed. Theod.*, § 64).

¹⁶⁶ *PG*, t. 86, col. 613.

¹⁶⁷ CJ, XI, 69.1. Ср. XI, 68.4.

¹⁶⁸ CJ, VI, 1.8.

¹⁶⁹ CJ, VII, 24.1.1; ср. *CTh.*, 4.11.

¹⁷⁰ CJ, IV, 56.1—3.

¹⁷¹ *Dig.*, XXXVII, 14.7.

Сопротивление влиятельных группировок рабовладельцев всячески затрудняло смягчение семейно-правового положения рабов, но все же некоторые новые веяния пробивали, правда, еще очень медленно, себе дорогу.

Важным показателем разложения рабовладения и увеличения рентабельности мелкого свободного или полузависимого хозяйства в VI в. является возросший в своих масштабах отпуск рабов на свободу.

В Кодекс Юстиниана были включены известные постановления императора Константина (от 316 и 321 гг.), упрощавшие процедуру отпуска рабов на волю. Согласно этим новым узаконениям, разрешалось отпускать рабов публично, в церкви, в присутствии свидетелей. Для манумиссии *in sacrosanctis ecclesiis* было достаточно устного заявления господина, сделанного в церкви перед священником и народом¹⁷². По предписанию Юстиниана, полную силу имели также другие способы отпуска на волю: *manumissio inter amicos*, причем требовалось присутствие пяти *amici*, игравших роль свидетелей, или *manumissio per epistolam* (составление этого письменного акта производилось также при пяти свидетелях), или распоряжение в завещании о том, чтобы раб присутствовал на похоронах завещателя в шляпе (*pileatus*) и после этого получал свободу¹⁷³. Процедура освобождения значительно упрощалась тем, что уже не требовалось обязательного составления особого документа о даровании рабу свободы, заверенного в городской курии или суде. Освобождение рабов могло происходить и в суде, но и при этом были внесены некоторые облегчения. Например, тот же император Константин, запретив проводить какие-либо судебные заседания в воскресенье, сделал исключение только для рассмотрения дел об освобождении рабов¹⁷⁴. Духовные завещания, в которых говорилось об отпуске рабов на волю, всегда должны были строго выполняться, а в спорных случаях, «из-за уважения к человечности», истолковываться в пользу свободы¹⁷⁵.

Отпустить раба на свободу мог только его господин; если кто-либо отпускал на свободу рабов из патримониальных или эмфитевтических имений, не являясь в то же время их господином, то подобный акт освобождения не имел законной силы. Право отпуска рабов приобреталось вместе с правами на имение¹⁷⁶.

В VI в., как и ранее, господа взимали с раба за дарование ему свободы определенную сумму денег. Если раб не заплатил обещанных им за получение свободы денег, то господин мог потребовать их с вольноотпущенника через суд¹⁷⁷. По закону раб мог потребовать отпуска на свободу, если он уплатил кому-либо деньги с тем, чтобы тот его купил и отпустил на волю, а этот человек, нарушив условие, купил раба, но на волю не отпускает (*redentitio suis nummis*)¹⁷⁸.

При Юстиниане, как упоминалось, был сделан еще один шаг для того, чтобы облегчить рабу получить свободу: если господин завещал какое-либо имущество своему рабу, то тем самым он уже отпускал его на волю¹⁷⁹.

Раб, обнаруживший фальшивомонетчика, предотвративший похищение девушки или выдавший властям дезертира, получал свободу даже без согласия своего господина¹⁸⁰. Раб, находящийся в коллективной

¹⁷² CJ, I, 13.1—2; ср. Inst., I, 6.1; CTh., IV, 7.

¹⁷³ CJ, VII, 6. 1—3.

¹⁷⁴ CTh., II, 8.1.

¹⁷⁵ Dig., XL, 4.1.4.

¹⁷⁶ CJ, XI, 61 (62), 12.

¹⁷⁷ CJ, IV, 14.3.

¹⁷⁸ Dig., XL, 1.4.5.

¹⁷⁹ CJ, VI, 27.5.

¹⁸⁰ CJ, VII, 13.2—4.

собственности нескольких владельцев, мог быть отпущен на свободу одним из них без согласия других, правда, лишь при условии компенсации другим совладельцам убытков, понесенных от потери ими раба ¹⁸¹.

Рабы господ, умерших без завещания и не оставивших наследников, часто по закону освобождались, особенно когда хозяевами рабов были духовные лица. Разрешалось освобождать раба, послав его на военную службу ¹⁸² или дав ему позволение вступить в монастырь. Если беглый раб тайно поступал в монастырь, то через три года господин утрачивал на него свои права ¹⁸³.

В VI в. по закону, без специального акта освобождения со стороны господина, раб отпускался также и в том случае, если он достигал сана епископа или если в течение 25 лет прожил на свободе ¹⁸⁴. Кроме того, Юстиниан отменил ограничения по отпуску рабов, введенные в Римской империи по законам Фуфия Каниния (*Fufia Caninia*) и Элия Сентия (*Aelia Sentia*) ¹⁸⁵.

В судебных процессах, решавших споры о свободе (*causa liberalis*), по закону Юстиниана, теперь мог выступать в качестве юридической стороны сам раб, утверждавший, что он свободный человек. Раб уже не был обязан выступать в таких случаях за себя защитника свободы (*assertor in libertatem*) — свободного человека, который брал на себя труд доказательства свободного происхождения раба ¹⁸⁶. Это нововведение Юстиниана было очень важным шагом на пути защиты личности раба. Кроме того, закон ограждал свободу, полученную рабом при отпуске на волю. Без причины вольноотпущенник не мог быть возвращен в рабство ¹⁸⁷.

Политика Юстиниана, направленная к известному облегчению отпуску рабов на волю, встречала сопротивление некоторых влиятельных группировок рабовладельцев. Так, Прокопий в «Тайной истории» сообщает, что в результате тиранического правления Юстиниана и господства стасиотов партии венетов «... многие против воли должны были отпускать на волю своих рабов» ¹⁸⁸.

Вольноотпущенник — либертин — после освобождения обычно оставался под покровительством своего бывшего господина ¹⁸⁹. Либертинам и их потомкам запрещалось уходить из имений их бывших владельцев, и они чаще всего становились зависимыми людьми ¹⁹⁰. За принятие чужого

¹⁸¹ CJ, VII, 7.1.

¹⁸² CJ, XII, 34.6—7.

¹⁸³ Nov. Just., CXXIII, 17. См. Е. Э. Липшиц. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии. ВВ, XIII, 1958, стр. 40.

¹⁸⁴ Nov. Just., CXXIII, 4, (546 г.); CJ, IV, 57.3.

¹⁸⁵ CJ, VII, 3.1 (548 г.). Lex *Fufia Caninia* (эпохи Августа) ограничил число рабов, которых господин мог освободить по завещанию; оно должно было находиться в известной пропорции с общим числом рабов завещателя и не превышать 100 человек (*G a j u s. Inst.*, I, 41—46). Lex *Aelia Sentia* предоставлял лишь ограниченную правоспособность рабам, отпущенным на волю в возрасте моложе 30 лет. Отменялись манумиссии, сделанные господами, не достигшими 20-летнего возраста, и манумиссии, предпринятые господином в ущерб интересам его кредиторов. Рабы-преступники и после освобождения не получали полных прав гражданства. Юстиниан отменил закон Элия Сентия лишь частично (см. В. М. Хвостов. Указ. соч., стр. 290); см. *Dig.*, XL, 9; *Inst.*, I, 6; CJ, VII, 11.1—7; 12.1—2.

¹⁸⁶ CJ, VII, 17.1.2.

¹⁸⁷ CJ, IV, 57.1—6. Правда, в Институции было включено постановление, что вольноотпущенник, проявивший грубую неблагодарность по отношению к патрону, мог по требованию бывшего господина быть снова обращен в раба (*revocatio in servitutum*) (*Inst.*, I, 16, § 1).

¹⁸⁸ *Procop.*, H. A., VII, 33.

¹⁸⁹ CJ, VII, 7.1.

¹⁹⁰ CJ, VII, 38.1.

либертина землевладелец платил штраф¹⁹¹. Либертин под страхом сурового наказания не мог выступать на суде в качестве свидетеля против своего прежнего господина и его наследников¹⁹². Либертин и его дети, рожденные в то время, когда их отец еще был рабом, приписывались к податному округу бывшего господина. Лишь дети либертина, рожденные уже после отпуска отца на свободу, получали права свободных людей¹⁹³. Либертин ограничивался в правах распоряжения своим имуществом: как правило, он должен был завещать одну треть своего наследства бывшему хозяину; в случае, если волноотпущеник не имел наследников или умирал без завещания, все его имущество переходило господину.

При Юстиниане, однако, был сделан шаг по пути увеличения прав волноотпущеников. В 539 г. особой новеллой Юстиниан устанавливал, что после освобождения либертины получали права римского гражданина и рабское происхождение не должно было ущемлять их интересов при ведении гражданских дел¹⁹⁴.

Увеличение масштабов отпуска рабов на волю объясняется как экономическими причинами — ростом экономического потенциала свободного мелкого хозяйства, так и интересами фиска, нуждавшегося в свободных налогоплательщиках. Большую роль играло также все возрастающее сопротивление самих рабов.

Если правительство Юстиниана шло в силу указанных выше причин на некоторое смягчение положения рабов и облегчение их отпуска на волю, то в отношении пресечения всякого сопротивления со стороны всех угнетенных, и в первую очередь рабов, оно было совершенно беспощадно. Предавались сожжению не только рабы, покушавшиеся на жизнь своего господина, но даже лишь замыслившие его убийство¹⁹⁵. Сожжение грозило и тому рабу, который слышал призывы своего господина о помощи, но не спас его¹⁹⁶. Раб, спасавшийся в церковном убежище с оружием в руках, не только изгонялся из церкви, но мог быть безнаказанно убит, если оказывал сопротивление¹⁹⁷. Строптивного раба запрещалось допускать в города, где он мог найти поддержку у городской бедноты¹⁹⁸. Если рабы при помощи угроз заставляли своего господина отпустить их на волю, то такое освобождение не признавалось законным¹⁹⁹. За подстрекательство раба к бегству или самоубийству свободный карался как за кражу чужого имущества²⁰⁰.

Сурово наказывались всякие попытки рабов к бегству. Беглые рабы возвращались владельцу, за их поимку отвечали правители провинций²⁰¹. Бежавшие от господина рабы подвергались жестоким карам. У беглых рабов отрубали ногу, их отправляли работать в рудники или

¹⁹¹ CJ, XI, 53.1.

¹⁹² CJ, IX, 1.21.

¹⁹³ Dig., L, 1.6.3.

¹⁹⁴ Nov. Just., LXXVIII, 1—5.

¹⁹⁵ Dig., XLVIII, 19.28.11. Казни подвергались и подозреваемые в соучастии рабы, находившиеся в момент убийства господина в одном с ним доме (см. Е. М. Штраман. Кризис рабовладельческого строя в Западных провинциях Римской империи. М., 1957, стр. 76 сл.).

¹⁹⁶ Dig., XXIX, 5.14. Если господин был убит во время путешествия, то смертной казнью карались все рабы, его сопровождавшие. Dig., XXIX, 5.14.

¹⁹⁷ Const. Just., VII—VIII, § 1.

¹⁹⁸ CJ, IV, 55.1. Опасный для господ раб, даже отпущенный на волю, но в прошлом проявлявший непокорность, по закону не имел права появляться в городе, и если он нарушал этот запрет, то его вновь обращали в рабство.

¹⁹⁹ Dig., IV, 2.9.2.

²⁰⁰ Dig., XI, 3.1.

²⁰¹ CJ, VI, 1.2. Беглый раб считался виновным в воровстве, ибо своим бегством нанес материальный ущерб господину. Правительство гарантировало иностранцам владение рабами и помогало им в розыске беглых.

подвергали какому-либо другому наказанию²⁰². Беглые рабы, обманным путем поступившие на военную службу и достигшие даже чина протектора, при изобличении их вновь возвращались в рабское состояние²⁰³. Принявший беглого раба платил штраф в размере четырехкратной стоимости раба и возмещал хозяину ущерб. При исчислении материального ущерба, нанесенного господину, учитывался доход, который мог быть получен хозяином от труда раба за время его отсутствия²⁰⁴. Богатый человек, укрывший беглого раба, наказывался штрафом, а бедняк, давший убежище беглецу, карался наказанием плетью. Обстоятельством, отягчающим вину раба при бегстве, всегда являлось его участие в народных движениях. Если беглый раб вступал в отряды разбойников (*latrones*), участвовал в поджогах имений или переходил на сторону врагов империи, то он карался смертной казнью²⁰⁵.

При изучении изменения положения рабов в ранней Византии важен вопрос об отношении христианской церкви к рабству. Отвергая тезис буржуазной науки о том, что облегчение положения рабов произошло якобы исключительно под влиянием христианства и христианской церкви²⁰⁶, мы не отрицаем некоторого влияния христианской доктрины на изменение отношения к рабству. Будучи первоначально религией угнетенных, в том числе и рабов, христианство в известной мере впитало идеи социального равенства, родившиеся в народных массах. Необходимо всегда различать воздействие на положение рабов христианского вероучения, включавшего некоторые прогрессивные идеи, в частности о равенстве господ и рабов, и практическую деятельность христианской церкви и христианской иерархии, всегда искавшей путей компромисса с государственной властью. Проповедуя на словах равенство всех людей, на деле церковь сохраняла и поддерживала институт рабства. Для привлечения на свою сторону симпатий широких народных масс духовенство всегда выступало с проповедью естественного равенства всех людей по самой их природе.

Церковный писатель VI в. Исидор Пелусиот, например, писал: «Рабов должно использовать лишь на то, что могли бы сделать и мы сами, ибо они такие же люди, как и мы; только установившееся мнение, преврат-

²⁰² CJ, VI, 1.3: «Si fugitivi servi deprehendantur ad barbaricum transeuntes, aut pede amputato debilitentur, aut metallo dentur, aut qualibet alia poena afficiantur».

²⁰³ CJ, XI, 68.3.

²⁰⁴ CJ, XI, 53.1. Имелись и другие аналогичные предписания. Так, в Кодексе Юстиниана говорилось, что всякий человек, принявший и укрывший у себя в доме или в своем имении беглого раба (или инквилина), должен за это уплатить в казну штраф в 12 либр серебра, а кроме того, возвратить беглеца прежнему владельцу и передать господину в виде компенсации в придачу еще и другого раба той же стоимости (CJ, XI, 48.12).

²⁰⁵ Dig., XLVIII, 19.12—16; ср. Dig., XLVIII, 6.5. Дигесты проводят различие между рабами, бежавшими от жестокости господ к своим соседям и друзьям или нашедшими приют у своей матери, а также в церкви, и теми рабами, которые после побега становились бродягами и пополняли отряды разбойников. Для последних наказания за побег были более суровыми (Dig., XXI, 1.17.14). Смягчающим обстоятельством при рассмотрении дела о побеге раба было также и то, что раб, спасаясь от истязаний господина, пытался покончить самоубийством. Раб, отданный в наем, бежавший от несправедливых жестокостей нового господина и возвратившийся к своему прежнему хозяину, не наказывался за бегство. Иными словами, суд должен был всегда выяснять причины бегства раба, и если раб бежал, спасаясь от побоев и бесчеловечного обращения господина и не с целью участия в народном восстании, а только ради спасения своей жизни, то наказание ему смягчалось.

²⁰⁶ См. J. I m b e r t. Réflexions sur le christianisme et l' esclavage en droit romain; P. A l l a r d. Les esclaves chrétiens depuis les premiers temps de l'Église; A. H a d j i n i k o l a o u - M a r a v a. Recherches sur la vie des esclaves dans le Monde Byzantin.

ности войны и сила оружия сделали их нашей собственностью. А по природе, по вере и на будущем суде мы все одинаковы»²⁰⁷.

С той же целью воздействия на широкие народные массы церковь использовала право церковного убежища для рабов. Рабы, получившие убежище в церкви и доказавшие жестокое обращение с ними господ, продавались другим хозяевам. Однако если раб «без основания» искал убежище в церкви, то он после наказания возвращался господину²⁰⁸.

При Юстиниане церковь не только расширила свои права в отношении церковного убежища, но была даже установлена ответственность духовенства, в том числе и высшего, за нарушение этого права и выдачу беглого, вплоть до лишения сана²⁰⁹. Закон Юстиниана налагал тяжелое наказание и на государственных чиновников, применявших силу для того, чтобы удалить раба из церковного убежища. За нарушение права церковного убежища чиновнику, даже занимавшему высокий пост в администрации, грозило отрешение от должности, наказание плетью и конфискация имущества²¹⁰.

Если свободный человек, обращенный в рабство, говорится в законе, убежит от господина и будет искать убежища в церкви, то церковнослужители должны трижды вызвать его хозяина, для того чтобы тот подтвердил свои права на беглеца. Если после третьего вызова господин не явится в церковь, то беглец получает свободу²¹¹. Но если бежавшие под защиту церковного убежища рабы будут чинить насилия и восставать против господ, то они подвергаются наказанию и выдаются хозяевам. Раб мог лишь униженно просить в церкви спасения, а если он прибежал в церковь, имея при себе оружие, его изгоняли силой. И если при этом господин убивал раба, он не нес никакой ответственности за это²¹².

Церковная проповедь способствовала отпуску рабов на свободу: освобождение рабов перед смертью по завещанию или при поступлении хозяина в монастырь прославлялись церковью как богоугодное дело²¹³.

²⁰⁷ Isidori Pelusiotae Epistolarum libri quinque, lib. I, ep. 471. PG, t. 78, col. 440: «(«Περὶ οἰκέτων»). Τοῖς οἰκέταις χρηστέον, ὡς ἑαυτοῖς. Ἄνθρωποι γὰρ εἰσι καθ' ἑμᾶς. Ἡ γὰρ πρόληψις, ἢ τύχη πολέμου ἢ τυραννίς ὀπλων, τοῦτους ἐποίησαν κτήματα. Ἄλλ' οἱ πάντες ἐν ἑσμεν καὶ τῇ φύσει, καὶ τῇ πίστει, καὶ τῇ, μελλοῦσι κρίσει. Идеи естественного равенства не были новыми к моменту победы христианства. Они, как известно, встречались уже у Сенеки, Плиния Младшего, Эпиктета и даже проникли в римское законодательство. Ульпиан говорил, что, согласно естественному праву, все люди равны и рождаются свободными. Он уподоблял рабство смерти, по его гражданской безнравственности (Dig., I, 17.1). Другой римский юрист Флорентин также признавал, что рабство противно природе и учреждено по праву народов (Dig. I, 5.1.4). В Новеллах Юстиниана весьма сильно сказалось влияние церковной доктрины о том, что перед богом все равны и нет различия между господами и рабами. См., например, Nov. Just., V, 2: «ἐπὶ τῇ τοῦ θεοῦ λατρείᾳ οὐκ ἔστιν ἄρσεν οὐδὲ θῆλυ, οὔτε ἐλεύθερος οὔτε δοῦλος, πάντας γὰρ ἐν Χριστῷ ἐν εἰκότως νομιζέσθαι». См. M. V oigt. Römische Rechtsgeschichte, Bd. III, S. 70.

²⁰⁸ Const. Just., VII—VIII, § 1—2. Рабы должны были доказать, что господа морили их голодом, мучили, избивали и что подобное положение уже исправить нельзя. Право церковного убежища восходило еще к римским временам. Рабы, бежавшие в языческие храмы или к статуям императоров (ad fana deorum vel statuas principis), не должны были выдаваться господам (Dig., I, 12.1.8).

²⁰⁹ Const. Just., VII—VIII, § 2.

²¹⁰ Ibidem.

²¹¹ Ibid., § 1.

²¹² Ibidem. Особенно нежелательно для государства и церкви было скопление значительного числа беглых рабов в церковном убежище, что угрожало безопасности господ и духовенства. За восстание против господ в пределах церковной ограды рабы жестоко наказывались (ibidem). По законам химваритов, если кто-либо силой извлекал раба из церковного убежища, то раб получал освобождение (PG, t. 86, col. 604).

²¹³ PG, t. 104, col. 213. С V в. «Великая» церковь Константинополя имела важную привилегию отпуска на свободу рабов, нашедших в ней убежище. Труд отпущен-

При Юстиниане вновь было подтверждено постановление, запрещавшее нехристианам иметь рабов-христиан. «Эллин, иудей, самаритянин и всякий другой человек, не придерживающийся ортодоксальной веры, не может иметь раба-христианина»²¹⁴. В случае если человек, не исповедующий христианской веры, имеет раба-христианина, он должен уплатить государству штраф в 30 либр золота, а раба — отпустить на свободу²¹⁵.

Это предписание правительства Юстиниана, ущемляя интересы язычников и еретиков, должно было поднять авторитет господствующей церкви. Оно являлось выражением общей политики византийского государства в VI в. — политики беспощадного преследования язычников, иудеев, самаритян и еретиков.

По мере сближения христианской церкви и государства церковь все более активно ставила свою проповедь на службу интересам господствующего класса. Поэтому вполне естественно, что церковь отнюдь не выступала против самого существования института рабства. Никогда не было издано ни одного канонического предписания православной церкви в Византии, направленного против института рабства²¹⁶. Более того, церковь всегда призывала рабов покорно служить их господам. Политические и классовые интересы духовенства обусловили половинчатость решения такого вопроса, как вопрос о поступлении раба в монастырь. Согласно церковным канонам VI в., раб не мог быть принят в число монахов без предварительного освобождения. Если господин давал согласие на пострижение раба в монахи, то тем самым он отпускал его на свободу. Согласно канону, приписываемому Афанасию Схоластику (VI в.), не разрешалось вводить в клир рабов без соизволения господ, поскольку это могло причинить разорение домам знати²¹⁷. Устанавливался срок в три года для розыска хозяевами рабов, укрывшихся в монастыре. Если игумен монастыря не был уверен в том, какого происхождения вступивший в монастырь человек, то он обязан был выждать три года и лишь по прошествии этого срока имел право постричь пришельца в монахи. Но если беглому рабу в течение трех лет все же удалось скрыть от хозяина свое пребывание в монастыре, то господин терял свою власть над рабом²¹⁸. Раб, поступивший в монастырь и скрывший свое рабское происхождение, в случае если он затем достиг сана епископа, получал свободу²¹⁹. Однако если бывший раб после пострижения в монахи покидал монастырь и становился бродягой, то он возвращался в рабское состояние.

Церковь выступала против неповиновения рабов господам и зачастую помогала господам разыскивать беглых рабов. Церковью был канонизирован святой Феодор-мученик, который, согласно церковным канонам, помогал господам открыть место, где скрывался беглый раб, и за это

ных на волю рабов духовенство использовало в обширных имениях этой церкви. Трульский церковный собор ввел новое облегчение для освобождения рабов, установив, что для этого достаточно волеизъявления господина в присутствии только трех свидетелей. Е. Э. Л и п ш ц. О путях формирования феодальной собственности и феодальной зависимости в балканских и малоазийских провинциях Византии, стр. 39—40.

²¹⁴ CJ, I, 10.1.2.

²¹⁵ CJ, I, 10.2. Правда, это постановление касалось лишь подданных Византийской империи, все же иностранцы, временно поселившиеся в Византии, могли иметь рабов-христиан, сохраняя обычаи своей страны.

²¹⁶ М. Я. С ю з ю м о в. Рецензия на книгу А. Хаджиниколау-Марава. ВВ, V, 1952, стр. 281.

²¹⁷ PG, t. 104, col. 557—560.

²¹⁸ Житие Ипатия Руфианского содержит рассказ о том, как Ипатия, будучи настоятелем монастыря, отказался выдать господину четырех рабов, скрывавшихся в его обители (А. П. Р у д а к о в. Указ. соч., стр. 215—216).

²¹⁹ Nov. Just., CXXIII, 4.17.

получил красноречивое прозвище «Открыватель» 'Αγιον Θεόδωρον τὸν Φανερωτῆν) ²²⁰.

По мере роста богатства церкви, церковная организация из экономических соображений сама удерживала у себя рабов, используя их труд в своих имениях ²²¹, что находилось в явном противоречии с церковной проповедью о благочестивости отпуска рабов на свободу.

Церковь всегда выступала против восстаний рабов и какого-либо насилия с их стороны против господ. Вспомним хотя бы постановления Гангрского собора IV в., предавшие анафеме не только рабов, не повинующихся господам, но и всех, подстрекающих их к этому. Если кто-либо, проповедуя уход от мирских дел, будет учить раба презирать господина, уклоняться от служения ему и работать без усердия и почтения к господину, тот должен быть предан анафеме ²²². На Гангрском соборе был предан церковному проклятию некий Евстафий и все его последователи, которые учили рабов не повиноваться господам и уходить от них.

Во время народных восстаний византийское правительство зачастую умело использовало влияние церкви и церковные установления в борьбе против народных масс. Так, во время восстания самаритян 529 г. правительство Юстиниана, для того чтобы внести раскол в стан восставших, издало постановление о том, что раб-самаритянин, если он был рабом тоже еретика-самаритянина, но затем перешел в «истинную» веру, — получал свободу ²²³. Таким образом, правительство использовало церковное постановление о даровании свободы рабам, которые приняли православие, в то время как их господа по-прежнему оставались еретиками.

Таким образом, политика господствующей церкви по отношению к рабству была крайне двойственной и в конечном счете направлена на поддержание и защиту интересов господствующего класса и самого института рабовладения. Тем сильнее проповедь против рабства звучала в крайних, наиболее демократических еретических движениях, снискивая им тем самым популярность у широких масс угнетенного населения империи.

На основании изучения положения рабов в Византии VI в. мы приходим к выводу о том, что в процессе становления в Византии нового феодального способа производства большое значение имело не только формирование новых форм собственности и эксплуатации, но и изменение самого характера рабовладения. Эволюция рабства происходила в обстановке борьбы старого с новым, умирающего с растущим, рабовладельческого мира с зачатками феодализма. Эта борьба, естественно, проявлялась во всех сферах общественной жизни — в экономике, политике, идеологии. Она оказала решающее влияние и на положение рабов, определив направления и эволюцию рабовладения в VI в. В статусе рабов в Византии VI в. сохранилось еще много старого, унаследованного от классической эпохи развития рабства.

На основании анализа законодательства Юстиниана мы отчетливо видим, сколь цепкими, живучими были старые формы рабовладельческих

²²⁰ PG, t. 105, col. 933: «Ἄνθρωπος τις ἔχων δοῦλον χρήσιμον, ἐπεὶπερ ὁ δοῦλος ἔφυγεν, ἀπελθὼν ὁ κύριος αὐτοῦ εἰς ἅγιον Θεόδωρον τὸν Φανερωτῆν, παρεχάλει αὐτὸν φανερώσαι τὸν δοῦλον αὐτοῦ». См. М. Я. Сюзюмов. Рецензия на книгу А. Хаджиниколау-Марава. ВВ, V, 1952, стр. 281. В. Granič. Das Klosterwesen in der Novellengesetzgebung Kaiser Leons des Weisen. ВЗ, XXXI (1931), № 1, S. 63.

²²¹ Nov. Just., VII.

²²² PG, t. 133, col. 77: «β'. Τῷ πείσονται τὸν δοῦλον ἀναχωρεῖν τοῦ δεσπότητος θεοσεβείας προφάσει καὶ τῷ διακρινομένῳ μεταλαμβάνειν ἀπὸ πρεσβυτέρων ὑπογυναίων, ἀνάθεμα».

²²³ CJ, I, 10.2.

отношений, облеченные в застывшие римские правовые нормы; сколь упорным было сопротивление против всяких нововведений в статусе рабов со стороны большинства рабовладельцев. Вместе с тем вырисовывается достаточно ясная картина того, как под воздействием общего процесса разложения рабства и формирования феодальных отношений новые, прогрессивные изменения в статусе рабов пробивают себе дорогу. Эволюция в экономическом положении рабов в связи с массовым переводом их на «свободный пекулий», некоторое улучшение их правового статуса, в частности в области семейно-правовых отношений, — яркое тому свидетельство.